

Михаил Михайлович
Вербицкий

Тропа тунеядцев — 4
Книга вторая
Эшелон
Часть вторая
Космическая сага

Михаил Вербицкий

**Тропа тунеядцев – 4. Книга
вторая. Эшелон. Часть
вторая. Космическая сага**

«Издательские решения»

Вербицкий М. М.

Тропа тунеядцев – 4. Книга вторая. Эшелон. Часть вторая.
Космическая сага / М. М. Вербицкий — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-44-960184-1

Пришел тот час, которого все ждали. Космический бронепоезд уходит в лес, чтобы приступить к спасению секретного космического корабля и его экипажа. Космическое руководство с оптимизмом смотрит в будущее. Но белорусы передовым технологиям не завидуют, опыт перенимать не стремятся. Все это выглядит странно и немного подозрительно. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-960184-1

© Вербицкий М. М.
© Издательские решения

Содержание

Эшелон.	Книга вторая.	Секретная	6
Территория.			
Глава восемнадцатая			6
Глава девятнадцатая			14
Глава двадцатая			31
Глава двадцать первая			47
Конец ознакомительного фрагмента.			67

Тропа тунядцев – 4. Книга вторая. Эшелон. Часть вторая Космическая сага

Михаил Михайлович Вербицкий

*Все герои этой книги вымышлены, любые совпадения с реально
существующими людьми – случайны*

© Михаил Михайлович Вербицкий, 2019

ISBN 978-5-4496-0184-1 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-9506-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эшелон. Книга вторая. Секретная Территория.

Глава восемнадцатая

Место падения корабля многоразового использования «Ласточка», больше не пугало отсутствием разумных форм жизни. Теперь оно пугало обилием и разнообразием, этих, самых форм.

Командир экипажа иступленно смотрел в иллюминатор, наблюдая, открывающиеся виды. Бортинженер, сидя на передней панели, играл, во что-то, на планшете и следил, за происходящим снаружи, лишь краем глаза.

Полоса леса, перед носом корабля, кишела, как муравейник. На освободившемся от лесной растительности пространстве, ближе к носу «Ласточки», из земли, пробивалась новая поросль. Причем, пробившись, росла с удивительной скоростью.

– Слушай, их все больше становится! – Сказал командир, не отводя взгляда от стройплощадки.

– Ага! – Сказал бортинженер. – Но, это, еще – что! Мне Грузин сказал, что завтра народу еще прибавится.

– Грузин, это – коренастый, такой? А, сухопарый – где?

– Сухопарый, это – Бенья! Он, на совещание, в поселок пошел. Совещание, у них, там, с высшим руководством.

– Мать честная! Что, же, это делается?! – Схватился, за голову командир.

– Что делается? То, и, делается! Полосу взлетную строят. Я, тебе, еще, когда, говорил – запускать нас будут. Полетим?

– Куда?

– В космос! Где, нам летать предназначено!

– Ты, что – с ума сошел?

– Значит, не полетим! – Обрадовался бортинженер. – На автопилоте пойдет, а мы, тут, останемся!

– О, чем, ты, вообще рассуждаешь?! Какие полеты? Какая полоса?!

– Полеты – космические, полоса – взлетная. Если голосовать будем, сразу ставлю, тебя в известность, что я за неуправляемый старт. Хватит – налетался. Чуть живы остались.

– Прикажу, не только полетишь – пешком пойдешь!

– Это в том случае, если мы, на добровольную сдачу согласимся. По твоему настроению, вижу, что ты сдаваться, не намерен! Значит, нас вырубят. Но, на этот случай, я записку оставлю. Мол, не могу лететь по состоянию здоровья. А, ты, как хочешь!

Бортинженер потянулся и зевнул.

– Не доберутся, они, до нас, пока, мы внутри. – Стараясь выглядеть уверенно, сказал командир. – Пугают. Посуди сам! Чтобы нас отравить, им дырку сверлить придется. Разгерметизация получится. Как аппарат, после этого, запустишь!

– Это, я, уже все выяснил. – Безмятежно, сказал бортинженер. – У них, этих блошек, каких, только нет. Они сразу, стекло, растительным снадобьем помажут, потом блошек запустят. Эти твари, за десять минут, дырку прогрызут. Потом, когда мы одуреем, они, уже другим экстрактом дырку обработают и других блошек посадят. Эти, уже не грызть будут, а наоборот – заделывать. Субстанцию будут вырабатывать, соответствующую той, на которой сидят. Стек-

лянная пломба получится. Грузин, только переживает, что не прозрачная. Темная заплатка будет. Но, на молекулярном уровне безопасности, все будет аналогично.

Майор Барабанов явился на вечерний доклад, к полковнику Бурому, очень настороженный.

– Выкладывай! – Жестом, пригласив майора, садится, сказал полковник.

– Насчет установки, мы не ошиблись – она самая, космическая. Будут применять завтра. Барабанов вопросительно взглянул, на Бурого.

– Похоже, поводов, для беспокойства нет. Не сростется у них, эта инициатива. – Успокаивающе сказал полковник.

– Инициативщики сказали? Злыдник?

– Злыдник, Злыдник....

– Здорово. А, то неизвестно к чему готовиться.

Лицо у Барабанова просветлело.

– Значит – так! – Продолжил он. – Кроме лунной пушки, они, еще какое-то лунное снаряжение доставили. Какое – непонятно. Но, ясно, что – мирного характера.

– Раз мирного, значит, нечего ломать голову. Скорее всего, завтра узнаем, чего, у них – там.

– Экстрасенсы сидят на конспиративной квартире. Обсуждают сценарии, на завтрашний день. Профессор, ихний, специалист по межгалактическому общению, работает отдельно. Посетил академию наук. Стучался в кабинеты, интересовался нашими последними достижениями в деле сотрудничества с инопланетным разумом.

– Достучался?

– Достучался. Мы одного академика, из кабинета, попросили. Отправили в библиотеку. Посадили нашего сотрудника. Профессор получил адрес выездного представителя, который занимается этими вопросами. Адрес, тот, который вы передали. В Молочаевке.

Барабанов, снова настороженно замолчал.

Бурый выпил холодного чая.

– Не волнуйся, это адрес проверенный. – Сказал он. – Там, у Злыдника, астральный синоптик проживает. Он, же – регистратор взлетов и посадок инопланетных аппаратов. Завсегдатай «Новинок».

– Да! – Вдохнул майор. – Работают, же люди! А, тут....

– Продолжай, о своем.

– Ну, с экстрасенсами, все понятно. По их разговорам, мы поняли, что в реалиях нашей повседневной жизни, они не разбираются. Причем, абсолютно, не разбираются. Думают – в дремучую глушь попали. Обсуждают, только рейтинги, и спорят, кто где, в кадре, стоять будет.

– Плевать на экстрасенсов. Что еще?

– С экстрасенсами, еще человек пятнадцать прибыло. Мы на них, особо внимания не обращали. С виду – обычный технический персонал. Потом стали проступать некоторые странности. На космическую базу они не поехали. Остановились в гостинице. Сидят, ничего не делают. Самое главное – спиртное не употребляют. Тут, мы сообразили, что, здесь, что-то не так. Стали их слушать внимательнее. Народ не болливый оказался. В час, по два слова, на человека получалось. Правда, к вечеру, немного, разговорились. Стало ясно, что это летчики. Легчики – вертолетчики. По прикидкам – три экипажа и обслуга. Это, к чему-то привязывается?

– Русские, у нас, три вертолета арендуют. – Сказал полковник. – Вот и думай.

– Они, же – с экипажами.

– С нашими экипажами. Которые, по правилам, летают.

– Ага! Хотят ниже опуститься.

– Видимо. Возможно, даже высадку планируют. Завтра все увидим. Главное – наши люди не пострадают. А технику, они возместят. Натравим на них, инициативную группу – никуда, они не денутся.

Франц Майер посетил местный синоптический центр, когда вечерний покой опустился на деревню. Сотрудник центра, господин Мирошниченко выглядел ожидаемо. Франц, даже удивился, что ученый выглядит, так, как он нарисовал его, в своем воображении.

Геннадий Петрович встретил немца радушно и, как тот не упирался, усадил за стол. Посуда у регистратора летающих тарелок была в антисанитарном состоянии. Стол заляпан. Пол затоптан.

Перед тем, как сесть, атташе протер лавочку гигиенической салфеткой. Мирошниченко, на действия гостя отреагировал положительно – протер посуду. Тарелку рукавом, вилки подолом рубахи. Потом, на стол была поставлена сковородка, откуда пахло грибами и водружена бутылка с каким-то напитком. Немец угощаться, однако, не спешил. Крутил носом. Настаивая, на застолье, Геннадий Петрович в разговор не вступал, синоптическими наблюдениями не делился.

– Чему бывать, того не миновать! – Решил Франц.

В это время, Мирошниченко разрядил напряжение, возникшее за столом, наложив горку грибов на лусту хлеба и предложив, Майеру последовать его примеру.

Это немцу подошло. Выпив и закусив, Франц начал осторожно интересоваться аномальными проявлениями. Геннадий Петрович отвечал уклончиво, но существование аномалии не отрицал.

– В общих чертах, обрисовать ситуацию, могу. – Признался он. – Главное не перейти грань. С одной стороны Академия результаты исследований запрещает озвучивать, до официальной публикации, с другой стороны – госбезопасность бдит. Следят, чтобы панические настроения в обществе не возникли.

От тонких намеков, хозяина, Майера потянуло выпить.

– Разговор надо поддерживать! – Подумал он, при этом, и не ошибся.

После второй, Геннадий Петрович обрисовал ситуацию подробнее. Рассказал о маяках, прошлогоднем космическом десанте и заговоре молчания.

После третьей атташе основательно закусил, поэтому рассказ синоптика, о похищении и опытах, которые проводили над последним, выслушал, по детски доверчиво и с неподдельным интересом.

– Как бы, краешком глаза, взглянуть на смещение континуумов? – Спросил Майер, после четвертой.

– Это – можно! – заверил его, Мирошниченко. – Широкую публику, посвящать в это не положено. Но вам, как представителю культурных связей – даже рекомендовано!

– В каком смысле – рекомендовано?

– Было решение – прервать заговор молчания. Разрушить круговую поруку и выявить, живущих среди нас, ассимилянтов.

В ожидании возвращения Марты Игоревны, Арсен Люпен принес из машины бутылку коньяка и предложил, прадеду Мише, выпить. Однако сам пить не стал, а только поддерживал беседу. Особых усилий, от него это не требовало, поскольку дед, опрокинув пару стопок и раскурив «сигару», вначале затронул политику, а потом ударился в воспоминания.

Напомянув ухажеру правнучки о линии «Мажино», дед не стал. Вспомнил французскую революцию. Побранил за террор. Одобрил, то, что вовремя опомнились и поставили «дантонов», к стенке.

– Не дали отморожкам власть взять и частную собственность ликвидировать. – Сказал Михаил Степанович. – Не то, что в России, где пролетарии власть, таки взяли. «Мы коммунизм строим!» – кричали, а сами ассирийскую державу сварганили. Реанимировали азиатский способ производства. Из Москвы, Вавилон сделали. Крепостное право ввели. . . .

Разглядывая корочку хлеба, которой он занюхивал коньяк, дед Саша, задумчиво сказал:

– Вот, мы теперь только свой хлеб, домашний, употребляем. От городского, нос воротим.

При коммунистах, по-другому было. Раньше, «казенный» хлеб, за лакомство, считался.

– Что – правда? – Размышляя, о том, куда могла подеваться Марина, спросил Арсен.

– Точно! Вот – помню! Когда война началась, я совсем карапуз был. Пять или шесть лет мне, было, забыл, уже. Молочаевка, тогда не такая большая была. Радио не было. Света не было. Только телефон в конторе, да и, тот работает изредка. Да, чего – там! Земляные полы в хатах были! Немцы, уже границу перешли, а, у нас, никто ни слухом, ни духом! Самолеты, в небе, жужжат, стрекочут! Мужики на улицу повыходили, бороды позадирали. «Маневры» – говорят. Только узнали, что – война, сразу – фашисты! Не пришли – приехали! У нас, только изредка «Зисы» проездом бывали. И, то – за диковинку считались, хоть и деревянные были. А, тут – техника прикатила.

Прадед Миша усмехнулся, в усы. Потом, сделав пару затяжек, продолжил:

– Никого, как в кино показывают, не грабили, кур не ловили. Сам, я не помню. Старшие, после войны вспоминали. Молока просили, яиц. Марки давали. Мы, малышня, на дрова, залезли. Сидим, цудуемся. Сами чумазые, оборванные. Немцы гергечут, пальцами показывают. Смеются. Потом, кинжалы выхватили – давай, хлеб резать. Да такими ломтями! Потом маслом намазали и нам дали. . . . Такого, мы, еще в жизни не пробовали. В деревнях «казенного» хлеба не покупали. За, какие шиши, его купишь?! Сами пекли, из того, что на трудодни давали.

Прадед Миша прищурился. То ли дым в глаз попал, то ли слеза, от ветра наверху.

– Мы этот хлеб едим. Масло, по бороде, потекло, с грязью смешалось. Немцы, опять, роготать стали. Давай нас фотографировать, в разных позициях. Потом мыться стали у колодца. И бриться. Тут, мужики, из-за заборов глаза повытарачивали. Ничего понять не могут. . . . Потом, когда немцы поехали они использованные лезвия, от безопасных бритв подобрали. Давай гадать, что за диво – такое? До войны, да и после войны, у нас, в деревнях, только «опасными» бритвами брились. Короче, как пришла оккупация – соприкоснулись мы с цивилизацией. А, ты – говоришь!

– Я, ничего, не говорю.

Прадед опрокинул, еще стопку.

– Ага! Про, что это – я?! Про революцию! Как пришли немцы, прислали к нам землемера. Он колхозные поля поделил, на полоски, по количеству домовладений. За два дня управился. Революцию четыре года делали, чтобы коллективное хозяйство построить. Пол-империи в могилу свели. А, тут землемер два дня, с аршином походил и революции, как не бывало! Вот, такие дела, парень. . . .

Михаил Степанович убрал бутылку, под стол.

– Внучка идет. – Пояснил он свои действия. – Не будем вести себя вызывающе.

Марта Игоревна, с ходу, присела за стол и выложила на него несколько листов бумаги.

– Вот! – Сказала она, хлопнув ладонью по документам. – Тут – все! Списки командного и рядового состава, количество техники и общие сведения по аномалии. Все – как у других. Вплоть, до известий про пропажу ассистента и четырех «феэсбешников». Составляй донесение.

– Марта Игоревна, а вы Марину не видели?

– Видела. Гуляет, с подружками. Они не виделись давно. Пусть наговорятся.

Сведения полученные, от тунейдцев, по наводке Ломако, следовало немедленно передать, куда надо, поэтому, асы шпионажа, Ходинский и Гонсалес сразу отправились в Минск. По дороге договорились взять загадочного типа, который по данным Румына, был астральным синоптиком, в плотную разработку. Действовать решили агрессивно – по возвращении, заявиться в гости и поговорить.

Поскольку машина была одна, на двоих, задержались они, в городе, дольше, чем следовало. Пришлось, сразу, ехать к испанскому посольству, потом к чешскому. Потом, Ходинский, снова, вернулся к испанскому, где ему пришлось проторчать около часа, потому, что напарник задерживался.

Дело в том, что Энрике, в коньячной эйфории, с ходу, накатал, такое донесение, что, перечитав, сам удивился написанному. Пришлось переписывать заново, напрягая уходящее в похмельный туман, сознание. Это заняло много времени, потому, что кофе мало помогало, торжеству разума, а гомеопатические средства лечения, в посольстве, могли расценить, как нарушение режима.

– Опаздываем. – Нервно сказал Ходинский, когда Гонсалес залез на заднее сидение.

– Успеем. – Успокоил его испанец.

Не успели. Когда они подъехали к дому загадочного Геннадия Петровича, тот, уже собиравшись приступить к научным изысканиям. Причем не один, а с Францем Майером.

– опередил. – На английском, сказал Ходинский и добавил, кое-что, на чешском.

Отношения, между Мирошниченко и Майером, по всей видимости, установились дружеские, потому, что оба, в разговоре, называли друг друга «камрадами».

– Что будем делать? – Грустно спросил Ходинский.

– Придется, снова, идти, прицепом. – Ответил Гонсалес.

– Придется. – Еще печальнее сказал чех. – Только, давай не расходится. А, то мало ли чего....

– Согласен. – Сказал Энрике. – Хотя мне кажется, что особой опасности нет. Колонна, после ночи, живой и здоровый вернулся. Никто его не тронул.

– Так-то, оно – так! Только, все ровно – стремно....

Следуя знакомой дорогой, за Майером и Геннадием Петровичем, они заметили три неясные тени, которые сопровождали их, держась в отдалении. Что это враги-товарищи, по оружию, не было сомнений. Только, в сумерках, нельзя было разобрать их государственную принадлежность.

– Прилипли – не ототрешь! – мрачно сказал Ходинский, по этому поводу.

Гонсалес промолчал. Ему было нехорошо. Испанца мутило.

Двигаясь знакомым маршрутом, испанец и чех, утратили бдительность. Поэтому, поворотную точку, проморгали. На поиски тропы, пришлось потратить, достаточно, много времени. В конце концов, тропа все-таки нашлась, и они пошли по ней. Вскоре впереди послышались голоса, а через, какое-то время обозначились две неясные тени, которые, несомненно, принадлежали господину Мирошниченко и «проклятому» Майеру.

– Сегодня, не копали, ничего. – Заметил Ходинский, когда они, с Гонсалесом, заняли наблюдательную позицию.

– Пошло, все, в баню! – Ответил испанец.

Мирошниченко и немец перебрасывались короткими непонятными фразами.

– Вижу – проявление! – Ахал Майер.

– Концентрация, тоже необходима! – Говорил белорус. – Усиливайте внутренний самоконтроль. Это усиливает широту восприятия.

Немец видимо последовал совету и начал усиленно самоконтролироваться. Об этом можно было судить, по тому, что, он стал ахать чаще и громче.

– Фантастишь! – Постоянно восклицал он.

– Если, там – «фантастишь», то где оно, в конце концов. – Недоумевал Ходинский. – Они, чего-то, видят. Колонна, вчера, тоже, видел! Почему мы не видим, ни черта?!

– Пошло, оно все, к гребаной матери. – Простонал Гонсалес.

– Может этот «астралоид» определенные точки знает? Откуда видно!

– Что видно? – Подавляя тошноту, спросил испанец.

– Я, откуда знаю! Наверно, что-то космическое!

Ходинский оглянулся. Три тени, которые, до этого, колыхались вдалеке, немного приблизились.

– У меня, такое впечатление, что эти, которые впереди, в таком положении находятся, что нас не замечают. – Сказал он.

– Вполне возможно. Вполне возможно, что до утра, я не доживу. – Отозвался Гонсалес.

– Может они погрузились в какой-то континуум? Что если, к ним, приблизиться? Интересно, как они отреагируют?

– Можно, и приблизиться. Мне уже все равно. Пусть, как хотят, реагируют. Хоть пристрелят. Мне, все равно – не жить! Не выйду, я с этого поля. Тут меня и закопают. – Стонал кабальеро.

Они прошли немного вперед. Мирошниченко и Майер, на их приближение никак не отреагировали.

– Видишь! Не реагируют. – Сказал чех, Гонсалесу.

– И – черт, с ними... – ответил тот. – Как бы, в обморок не упасть.

– Ну, что – подойдем, еще?

– Мне, сейчас, хоть, куда.

Они сократили дистанцию, до десяти метров.

– Очень зыбкая формация. – Сказал Майер, не обращая внимания на шорох ботвы, у себя за спиной.

– Нужно подождать. Концентрируя психические энергии. – Сказал Мирошниченко. – Временной фактор играет немаловажную роль.

– Давай, тоже, концентрировать. – Шепнул Ходинский, Гонсалесу. – Мы совсем близко подобралась. Может и нам, что проявиться.

На предложение товарища, испанец ответил протяжным стоном.

Чувствуя, что поддержки своим психическим энергиям не дождешься, чех стал концентрировать, в одиночку. Поскольку, представления о способах концентрации, как и о самих энергиях, у него были самые смутные, Ходинский действовал наугад. Он, то таращил глаза, то тер виски, напрягая разные группы мышц – ничего не выходило. Он, даже делал дыхательные упражнения, по системе индийских йогов. Все было безрезультатно.

– Идет, кто-то. – В, какой-то момент, прервал его гипнотические опыты Гонсалес.

У Ходинского, от напряжения и задержек дыхания, в ушах звенело. Поэтому он, ничего не слыша, вокруг, спросил:

– Сопровождение подбирается?

– Никто не подбирается. Я, же говорю – идет. Причем не один. С левой стороны.

Ходинский потряс головой, разгоняя шум в ушах и, тоже услышал. По полю шли. Сколько – непонятно, но явно – не один. Шли уверенно и целеустремленно, в сторону леса. Под ногами, идущих, громко трещали стебли ямса. Вскоре стали различимы две странные тени. В темноте, неизвестные походили на две самодвижущиеся копки сена.

Мирошниченко и Майер, на их появление отреагировали вяло. Вытягивая шеи, они глядели, в загадочные дали, а на шествующих у них под носом монстров, взглянули, только мельком. Лишь спустя, немного времени, Майер спросил:

– Они, что на посадку, идут?

– Нет. – Помотал головой Мирошниченко. – Это ассимилянты, что среди нас живут. Энергия, у них, вышла. Человеческий облик, утратился. Двигаются, на подзарядку. Вот посмотришь – утром, обычные люди, пойдут, в обратную сторону.

Тут, даже Гонсалес, преодолевая страдания, наострил уши. Ходинский, так, вообще, напрягся, до искрения.

– Значит, не снайперы – это! Инопланетяне! – Зашипел он, на ухо испанцу.

– Отстань.... Не до этого. Если меня осветить, то я сам, сейчас – зеленый, как гуманоид.

Их беседу прервал топот, сзади. Оба обернулись посмотреть, что за марсиане, их, атакуют. Впрочем, по очертаниям, несущиеся на них, лошадиным аллюром, фигуры принадлежали представителям человеческой расы. Гонсалес, который был готов умереть, в любую минуту, отнесся к этому стойко. Ходинский порядком струхнул и немного присел в ботву.

Тройка, тяжело дыша и испуганно оглядываясь назад, примкнула к паре. Образовалась плотная пятерка. Человек бывший в октябрятах, назвал бы это образование «звездочкой».

– Выпить, есть? – Не давая вновь прибывшим отдышаться, спросил Энрике.

Двое молча помотали головами, а один, от неожиданности, раскололся и полез во внутренний карман.

– Вот, это я понимаю! – Сказал испанец, принимая миниатюрную фляжку, из рук, в руки.

Пристально взглядевшись, он спросил:

– Ганс, ты?

– Я! – Шепотом, отозвался Ганс Тилли, атташе из Австрии.

Приложившись к фляге, Гонсалес разглядел двух оставшихся. Это были – словак Стоянский и словенец Вуячич.

– Чего рванули? – Поинтересовался Гонсалес.

– А, вы, что ничего не видели?! – Спросил Тилли, принимая обратно, пустую посуду.

– Тут, что-то непонятное происходит. – Сказал Вуячич.

– И ходит! – Добавил Стоянский.

– Так – аномалия! Чего, вы, от нее хотели? – Усмехнулся Гонсалес.

– А, эти – чего? – Поинтересовался Тилли, кивая, на две фигуры, застывшие впереди.

– Не шепчи. Можешь говорить громче. Они не слышат. Или, почти, не слышат. – Ответил Гонсалес и, в благодарность, за живительный глоток, выдал немного информации:

– Они, в данный момент, вроде, как – в параллельных мирах.

Ходинский недовольно хмыкнул.

– Ладно, Николай. – Успокаивающе сказал испанец. – По всей видимости, нам, тут вместе, до утра, торчать. Пусть, хоть успокоятся, немного. А, то шарахаются, как молодые кони. Все ноги оттопчут.

Дальнейшее наблюдение производили уже впятером.

Присоединившиеся товарищи, проявляли к происходящему живой интерес. Они ловили каждое слово Геннадия Петровича и Майера. Вуячич, даже достал блокнот и стал, лихорадочно листая страницы, наощупь записывать. Видимо у него существовала надежда, что на досуге, эксперты-криминалисты расшифруют эти словенские руны.

Вскоре мимо группы исследователей прошли трое инопланетян. Эти принадлежали к виду «большеголовых». Еще, через какое-то время прошли еще двое «шуршащих». Потом двое внешне вполне обычных.

– Каким способом они подзаряжаются? Как вы думаете? – Поинтересовался Майер, у господина Мирошниченко.

– Ну, не от розетки – разумеется. Я думаю, их в физраствор погружают. Они, там, плавают, пока не очеловечатся.

Вуячич писал, лихорадочно листая страницы блокнота.

В отличие, от троицы свежеиспеченных «уфологов», Ходинскому и Гонсалесу, это все, вскоре примелькалось. Гонсалес, от тоски, даже стал проводить научные эксперименты. Он несколько раз подходил, к находящимся в другом измерении, и водил рукой у них перед глазами.

Пространственно-временное смещение, у белоруса и немца, видимо было неполным. Это было видно по тому, что на движения руки они реагировали. Реагировать, реагировали, но очень вяло. Продолжая вглядываться в открывающиеся континуумы, Мирошниченко и Майер, отмахивались, от Гонсалеса, как от назойливой мухи.

Испанцу, вскоре, все надоело. Вдобавок, снова подкатила тошнота. Хотя ночь была довольно теплой, его начал бить озноб. Даже не озноб – накатили непонятные конвульсии.

– Ты остаешься? – Спросил он у Ходинского.

– А, ты – что?

– Пойду, я. Мочи моей больше нет. Визуальных впечатлений, с меня – достаточно. Вдобавок, колотун начался. Надо конкретно разбираться, как, мы, вначале планировали. Завтра в город не поедем. Застолбим участок и выясним все досконально.

– Значит – пойдешь?

– Пойду. Только не домой. Сразу к дозорным загляну. В таком состоянии, я не доберусь, до угла проживания.

– Ты смотри, там....

– Не учи ученого. – Тихо сказал Гонсалес и громким шепотом, так, что бы было слышно остальным, добавил:

– Прошлый раз не успел узнать подробно, насчет этих, непонятных прохожих. Пойду – поспрашиваю.

Когда он двинулся в сторону темной полоски отдельно стоящих деревьев, словак, словенец и австрияк проводили его долгим настороженным взглядом. Тилли, даже достал компас и, включив подсветку, засек направление движения Гонсалеса.

Гонсалесу было легко ориентироваться и без всякого компаса. Кроны деревьев отчетливо просматривались на фоне зарева, встающего над лагерем спасательной экспедиции. Там, происходило что-то необычное, но – что, выяснить можно было только завтра. Идти туда в темноте, не имело смысла. Можно было, запросто, напороться на патруль и быть высланным на родину.

Лагерь «Роскосмоса» гудел. В эту ночь, вся жизненная энергия экспедиции была сосредоточена возле эшелона. Там все было залито светом прожекторов. В их ярком освещении, еще ярче сверкали разряды многочисленных сварочных аппаратов. Составы переформировали, еще днем и теперь было видно, что на путях, ближе к лесу, люди работают, не покладая рук. Один из рефрижераторных вагонов был разрезан по периметру, верхняя часть снята и теперь там крепили непонятную космическую штуковину. На платформах, крепили, такие, же, непонятные металлические теплицы и еще какие-то механизмы. Слышались громкие голоса рабочих. Начальство бдительно следило за производственным процессом, прохаживаясь вдоль составов.

Если бы в это время кто-нибудь из шпионов заглянул сюда, то смог бы увидеть отряд космонавтов курсирующий, взад-вперед вдоль вагонов стоящих на первом пути.

Но шпионов поблизости не было. Наиболее активные или уехали в Минск, отчитываться за проделанную работу, или созерцали параллельные миры, в обществе Геннадия Петровича.

Только майор Злыдник, на пару с обворожительной девушкой, прогуливаясь по краю освещенного пространства, наблюдал за этой деловой суетой.

Глава девятнадцатая

Утренней побудки в лагере «Роскосмоса» не было. Почти никто в лагере не спал с самого рассвета. А, кое-кто вообще не ложился.

К этим категориям не относился полковник Калабалин. Как ни странно, в эту ночь ему удалось отдохнуть. Видимо дело было в том, что лагерь космический, за один день превратился в лагерь военный. А, под шум здоровой армейской суеты и неразберихи, полковнику всегда спалось удивительно хорошо. Эта привычка выработалась у него еще в армии, когда он спокойно засыпал, на верхней полке склада, под грохот солдатских сапог и рев моторов.

Накануне вечером, когда приехали прокладывать кабель белорусские «фирмачи», он какое-то время постоял в толпе зрителей, которые живо обсуждали это событие и спорили о предназначении большого оркестрового барабана, который белорусы выгрузили на опушке, вместе с другим инструментом. Еще зрители бились об заклад, когда белорусы навернутся – сразу или опосля.

Кабель протянули под проволочное ограждение, конец затащили в лес, но ничего страшного не произошло. Один из рабочих скрылся в чаще, и катушка стала интенсивно разматываться, словно там под сенью деревьев заработала мощная лебедка. Когда первый барабан кабеля подошел к концу, один из рабочих, схватил с земли барабан музыкальный и, несколько раз, ударил в него. Вращение деревянной катушки остановилось, кабель лег на траву. Рабочие нарастили конец, присоединив кабель со второго барабана. После этого специалист, который отвечал за музыкальное сопровождение, достал из кабины литавры. Медный звон поплыл по окрестностям и процесс прокладки возобновился.

– С музыкой работают. Как на параде... – Завистливо сказал, кто-то, из зрителей.

Именно, тогда, полностью потеряв интерес к происходящему, Калабалин отправился спать, предупредив Бородин, что будить его можно лишь в одном случае – в случае пожара и, то, если загорится собственное купе, полковника.

Выспавшись, Калабалин чувствовал себя прекрасно. Никуда не торопясь, он сходил в вагон ресторан и позавтракал.

После завтрака, он постоял на платформе, любуясь, набирающим силу рассветом и решая чем нужно заняться в первую очередь.

– В первую очередь, надо узнать, что нового произошло, за время моего отсутствия. – Решил он и отправился искать Бородин.

Калабалин нашел его в пункте наблюдения, за лагерем наблюдателей. Бородин был не выспавшись, но держался бодро.

– Какие – новости? – Спросил Калабалин, благодушно позевывая.

– Все – по распорядку. Кабель белорусы проложили. Ударный состав сформирован. Только тихо, как-то, вокруг.

– В каком – смысле?

– В прямом. – Сказал Бородин. – Шпионы пропали. Наблюдатели, еще не проснулись. По крайней мере – все не проснулись. С полчаса назад, двое вытащили, кого-то пьяного в дымину мавра, из лагеря и увезли в неизвестном направлении. А, так – тишина.

– Ну и нормально.

– Где, же – нормально?! – Возмутился Бородин. – Тут всю ночь, такой гам и скрежет стоял, а иностранцев – ни одного! Куда они подевались? Наверно, где-то есть более интересное место, куда они схлынули!

– Подозрительно. – Согласился Калабалин. – Но не смертельно. Что – еще?

– Потерь, среди личного состава нет. Ломако тебя искал. Я, ему, сказал, что тебя можно будить, только в крайнем случае. Он сказал, что случай не крайний и уехал. А, так – все! Остальное – по плану.

– Знаешь, что самое главное, во всем этом деле? – Спросил Калабалин.

– Что? – Поинтересовался Бородин.

– Что мы, с тобой, здесь совершенно не причем. Остается надежда выкрутиться.

– Думаешь о нехорошем?

– Тут, и думать нечего. Скоро война начнется, а вокруг не души. Тишина, как в сорок первом. Возможно все. Успех будет самым непредсказуемым развитием событий. – Вдохнул полной грудью Калабалин.

В это время, в руке, у Бородина, затрещала рация.

– Говорит центральный КПП. Товарищ полковник?!

– Слушаю!

– Телевидение приехало.

– Я, же, сказал телевидение пускать, без доклада.

– Тут, с нашими, еще местная съемочная группа прибыла!

Бородин вопросительно взглянул на Калабалина.

Тот, утвердительно кивнул.

– Пускай всех! – Сказал в рацию, Бородин и, отключившись, усмехнулся:

– А, ты говоришь – тишина! Вот и белорусы, из своей норы вылезли!

– Скажи, тебя прибытие белорусского телевидения не настораживает? Нет?! Меня вот, этот факт, беспокоит.

– Почему?

– Вот есть, у меня, такое ощущение, что они не успехами, нашего строительства, приехали интересоваться. Тут, что-то другое....

Когда, со стороны эшелона, раздались три протяжных тепловозных гудка, Калабалин прервал, свою беседу, с Бородиным, и спросил:

– Это, что – тревога? Авианалет?!

– Туртушов, вчера, всех оповестил, что совещание, так будет собирать. – Усмехнулся Бородин.

– Ладно. Пошли на совещание. Послушаем, может, чего путного скажут.

В связи с перестройкой лагерной жизни, на армейский лад, утреннее совещание, генерал Туртушов проводил в поле. А, именно – на насыпи, перед штабным вагоном.

Генерал-лейтенант стоял в центре. Подчиненные, чтобы не загоразивать ему виды, на лагерь, выстроились в две шеренги, по бокам. Справа – генералитет, слева руководители среднего звена.

Внизу, под платформой, расположились три съемочные группы телевидения. Две российские и одна белорусская. Белорусскую высокомерно отпихнули в сторону, но бородатый деятель местных визуальных СМИ, отнесся к этому снисходительно добродушно.

В стороне, от служб информации, расположилась, еще одна группа штатских, где присутствовал оператор с камерой. Только в отличие, от трех других, своих братьев, этот был нацелен на представителей коллектива, в котором находился.

Коллектив был несколько странный, по виду, да и поведением не вписывался ни в космическую, ни в армейскую реальность.

В центре экспозиции, находился черноглазый, черноволосый и чернобородый кавказец, который был очень сосредоточен, непонятно на чем, и смотрел, по сторонам, с угрожающим видом. Женщины, своими, не по-летнему, закрытыми кофтами и длинными, до пят, юбками,

напоминали свидетельниц Иеговы¹. Только, в отличие от последних, были обильно, украшены всевозможными «фенечками». Их шеи и руки были обильно переплетены «бусиками», всевозможных форм и размеров, а, кроме, того, почти у всех, на груди висели непонятные подвески, внешне очень похожие на старинные ордена, которые, раньше дарили, друг другу венценосные особы.

На первый взгляд очень смахивало, что снимают римейк «Белого солнца в пустыне». И, налицо – Абдула, со своим гаремом. Но, так могло показаться, только на первый взгляд. Внимательному зрителю становилось понятно, что одна из одалисок, даже в условиях современной кино-действительности, никак не вписывается в сюжет. А, именно, круглолицая раскосая женщина, в индейском костюме. В руках «скво», держала огромный бубен, украшенный пушистыми хвостами енота и пучками волос, неизвестно с кого снятыми. Во второй руке у нее была колотушка, но в бубен «скво», ею не била. То ли ждала команды, то ли подходящего момента.

Кроме того, «баптистки» вели себя странно. Они разводили руки в стороны, прикрывали ладонями глаза, хотя солнце, в них не светило и делали другие англо-саксонские телодвижения.

Опытный правоохранитель охарактеризовал бы поведение всего сообщества, одним коротким словом – «гашиш».

Туртушов окинув широким взглядом лагерь, несколько минут молча рассматривал расположившиеся внизу группы «по интересам». С особым удовольствием он обозрел группу сектантов, которые даже, удостоились его одобрительного наклона головы. Потом генерал-лейтенант обвел взглядом подчиненных. Взгляд остановился, на генерале Сироткине.

– Что – у тебя? – Сосредоточено поджав губы, спросил Туртушов.

– У меня все готово! – Выступил вперед, Сироткин. – Работы по монтажу оборудования и комплектации головного состава окончены. Дизельные генераторы – в норме. Электропитание работает нормально. Приборы и оборудование опробованы в тестовом режиме. Все находится в рабочем состоянии и готово, к действию!

– Хорошо. Горюнов, что у тебя?

– Второй, монтажно-строительный, состав, находится в работоспособном состоянии, готов, к началу строительства. Белорусы, правда, подогнали, только одну платформу с гравием, но обещают, что, как дело пойдет – задержек не будет.

– Хорошо. – Сказал Туртушов, но с меньшим удовлетворением, чем в отношении Сироткина.

– Смирнов?!

– Группа консультантов доставлена! – Доложил Смирнов.

Туртушов, бросил удовлетворенный взгляд, на адвентистов, которые, к удивлению многих, оказались консультантами.

– Экипажи вертолетов прибыли и заменены. – Продолжил Смирнов.

– Проблемы были?

– Никаких. Их, командир группы, потребовал соответствующий документ. Даже вопросов не задавал. Мы документ выдали и отправили, их отдыхать.

– Генерал Незнанский?!

– Белорусы кабель протянули и подключили.

– Сами подключили?

– Нет. Это невозможно, без участия экипажа. Они должны с центрального пульта сдвинуть защитные панели, а после, оттуда, же команду, на подключение к внешнему источнику энергии.

– Понятно.

¹ организация запрещена в РФ

– Кроме того, около часа назад начались тестовые включения оборудования и механизмов. Как таковой, связи с ними нет, но через внешнее подключение, мы можем точно отслеживать, параметры работы, всех систем. Видимо они сами поняли, чего мы от них ждем и приступили к работе.

Незнанский замолчал, равнодушно глядя, на генерал-лейтенанта. Туртушов пренебрежительно кивнул генерал-майору и отвел взгляд, в сторону.

– Полковник Курочкин, что у вас?

– Группа прикрытия готова. – Важно сказал Курочкин. – Задачи поставлены. Личный состав готов к любому развитию событий.

– Вот, Бородин – учись! – Выхватил Туртушов, взглядом, полковника из толпы. – А, то у тебя, личный состав то под страуса попадет, то накурится чего-то, неизвестно где....

Бородин смиренно принял отповедь. Когда генеральское око, обратилось в другую сторону, он прошептал, сквозь стиснутые зубы, стоящему рядом, Калабалину:

– Курочкин – гад! Вчера, нам доложил одно, а генералу – другое.

– Генералу, он доложил, то, же самое. Только другими словами. – Весело сказал Калабалин. – Чего, ты нервничаешь?! Стой и радуйся! Не тебя, ведь в лес отправили, а докладчика.

– Да?! – Взглянул, на Калабалина, Бородин. – Думаешь – ничего не потеряю?

– Считаю, что повезло. Если белорусы, снова попа привезут, закажи ему благодарственную молитву.

Между тем, Туртушов принимал доклады, от тыловых ведомств.

Генерал Милюта доложил, что обеспечение продуктами, находится, на высшем уровне, готовится праздничный обед, а приготовленного хватит, не только, на своих, но и на приезжих.

– Планируем, так, же одну полевую кухню поставить, за пределами лагеря. Для местного населения. Чтобы создать обстановку теплоты и взаимного доверия.

Туртушов, эту затею одобрил.

Полковник Безлюдный, проинформировал Туртушова и собравшихся, что лагерная команда, находится в работоспособном состоянии и даже, ввела добровольный мораторий, на употребление тонизирующего питья.

– В связи с последними событиями, все осознали остроту момента и держаться!

Окончив принимать рапорты подчиненных, Туртушов взглянул на свои золотые. Почти все, сразу, тоже заинтересовались личными часами. Выглядело, это, так словно, происходит сверка времени, перед сражением. Надобности, разумеется, в этом не было, у всех было одно время – космическое, секунда в секунду. Но выглядело это очень красиво. Работники телевидения были в восторге.

– Остается час, до назначенного старта. – Сказал Туртушов. – Даже, не час, а пятьдесят восемь минут. Прошу всех, еще раз, проверить готовность, к началу выдвижения составов в точку отсчета. Через сорок пять минут – сбор, здесь, же. Впрочем.... Впрочем, возможна небольшая задержка.

К штабному составу, подъехали две машины. Машины были знакомы генералу Туртушову. Оправдывая его предположения, из одной вышел бизнесмен Николай Понаморенко, а из другой его бухгалтер, Ирина Витольдовна.

– Все! Расходимся! – Грозно сказал Туртушов, чувствуя, что среди подчиненных возникла заминка.

На правах соучастников, при нем остались, только полковник Казаченко и генерал Смирнов. Остальные расходились неохотно, украдкой бросая взгляды, на приезжую.

Генералу Смирнову, конечно, рассказывали, о главном бухгалтере «Понаморенко Лимитед», но реальность, превзошла описания. Поэтому он тарачил глаза и старательно втягивал живот.

В штабном вагоне произошло подписание договора, о сотрудничестве и взаимопомощи. Бизнесмен, при этом зевал, наверно демонстративно, подчеркивая, что заложенные в договор суммы, для него – дело привычное и обыденное.

После официальной части, Николай Андреевич уехал, а Ирина Витольдовна согласилась задержаться, чтобы выпить с генералами чая.

Чаепитие затянулось, потому, что, в процессе, женщина внимательно слушала собеседников, широко открывала глаза и вообще – вздыхала.

Калабалин и Бородин покинули совещательную платформу вместе. Бородин был хмур и раздражен, а Калабалин хмурился задумчиво.

В рамках подготовки, к началу операции, они отправились на запасные пути, где стоял ударный состав звездного эшелона. Маневровый локомотив был прицеплен, к составу, сзади. Впереди него стоял рефрижераторный вагон и четыре платформы, укрытые брезентом и маскировочными сетками. Передняя платформа была похожа на носовую часть корабля. Сходство было вызвано тем, что под брезентом находилось что-то очень сильно напоминающее артиллерийское орудие, крупного калибра.

– Бронепоезд «Товарищ Троцкий». – Резюмировал Бородин.

– И революционные матросы, в придачу. – Добавил Калабалин.

Те, кого Калабалин причислил к матросам, скорее походили на революционных водолазов, потому что были одеты в скафандры. Правда, скафандры были не водолазные, а космические, причем разных фасонов, от ретро, до ультрасовременных.

– Сразу, нужно было, с этого начинать. – Зло сказал Бородин. – А, то Курочкин приехал, на все готовое.

– Не переживай, еще не вечер. – Задумчиво, сказал Калабалин. – Вот, ты скопления белорусов, видишь? Не видишь?! И я не вижу. А, по идее, должны присутствовать в огромном количестве, перенимать зарубежный опыт. Значит – им не интересно. А, почему – не интересно? Тоже, не знаешь?! И, я не знаю точно. Но, похоже, догадываюсь.

– И – что? – Заинтригованно спросил Бородин.

– Ничего нового, для себя, они, здесь, не почерпнут. Такое, у них, уже бывало. – Сказал Калабалин.

– Новое – хорошо забытое старое. – Возразил Бородин. – Нашими технологиями они не располагали.

– Все может быть. Посмотрим.

Белорусское телевидение, после утреннего совещания, продолжало держаться особняком и намерений, к налаживанию дружеских отношений не проявляло. Котовский и Пархоменко, в свою очередь, считали ниже своего достоинства, сделать первый шаг, в этом направлении. Поэтому телезвезды общались, исключительно между собой, искоса поглядывая на роскошных девиц, которыми располагала белорусская съемочная группа. Всего в ее составе было пять девушек. Две такие – ничего себе, две – сногшибательные телки и одна холодная красавица. Те, которые были «ничего себе», относились к техническому персоналу и были собрано – деловиты.

«Сногшибательные телки» смотрели на мир широко открытыми глазами, и искренне радовались всему увиденному.

«Холодная красавица» держалась, обособлено и даже с коллегами общалась мало. Она внимательно смотрела по сторонам и, словно, фотографировала, взглядом, каждый объект.

Котовский и Пархоменко, пришли к единому мнению, что она, возможно – генеральный продюсер, причем специалист высокого класса.

– Своих, таких, у них – нет. – Сказал Котовский. – Точно из-за границы выписали.

– И, точно – не от нас. У нас, такой не было. Если бы была, я бы точно знал. – Самоуверенно сказал Пархоменко.

Перерыв в съемках затянулся. Только через час сорок генерал Туртушов покинул свой салон, сопровождая свою гостью, к машине. Операторы, украдкой, сняли эту процессию. Прощание, у транспортного средства, затянулось, еще минут на двадцать.

После этого, из разных углов лагеря, быстро, как тараканы, к генералу вылезли большие и малые начальники. Собравшись, возле Туртушова, они дождались команды, и все, дружной гурьбой двинулись в сторону центра связи.

– Вот – гады, не предупредили, заранее! – Возмущенно сказал Котовский.

– Переезжаем! – Подал он команду, своим.

Собираться стали все три группы. Котовский собрался оперативнее, поэтому двигался в авангарде, телевизионной автоколонны. Пархоменко шел, за ним, а в хвосте, на положении бедных родственников, пристроились белорусы. У последних, перед центром связи возникла заминка. Парочка парней Бородина, остановила их кортеж и настоятельно рекомендовала выбрать другое место дислокации.

– А, куда – можно? – Поинтересовался Калюнов.

– Туда, можно стать? – Указал он, на дальний край поляны.

– Туда – можно! – Великодушно разрешили грузчики.

Белорусское телевидение сместилось к обочине лагеря, вплотную к вертолетной площадке.

У центра связи, генерал-лейтенант, произнес короткую торжественную речь. После этого последовала очередная поименная переключка высшего командного состава. При упоминании фамилии, ее носители, выступали вперед и коротко докладывали, что все готово, а за последние два часа, уже готовое, приведено в состояние идеальной готовности.

После переключки, Туртушов, еще раз, уже не грозно, а по отечески осмотрел всех и, наслаждаясь торжественностью момента, сказал:

– Ну, что, же пора начинать. Сироткин, командуй!

Генерал-майор отошел в сторону и махнул рукой. Кто-то стоящий поодаль, перехватил сигнал и послал его дальше. Выглядело это очень киногенично.

В передовом составе сигнал приняли и просигнализировали, об этом, гудками локомотива.

Лагерная команда, стоящая наготове, бросилась к составу и стала снимать, с него, маскировку.

Но еще раньше, среагировав, на тревожные гудки тепловоза, до сих пор, незаметная, на фоне громады поезда, по направлению к лесу двинулась мотодрезина. Четыре напряженные фигуры, в оранжевых скафандрах, на ее борту, пристально смотрели вперед и были готовы к любым неожиданностям.

Сбросив с себя маскировочное покрытие, ударный состав предстал, перед зрителями во всей красе. В передней части, первой платформы, стояло орудие. Своими габаритами, оно очень напоминало бетономешалку. Только – ультрасовременную. По бокам орудия крепились два сидения. Позади орудия, находился контейнер, для лунных поселенцев. Контейнер был укороченный, всего на два пролета. На двух следующих платформах, лунные домики были полной сборки и располагались, почти, по всей длине. Четвертая платформа несла на себе, два мощных дизельных генератора, которые были прикрыты сверху, двумя полупрозрачными сферами, видимо тоже – космического назначения. Но больше всего привлекал внимание, к себе, вагон-рефрижератор, с параболической антенной на крыше. Он был сплошь исполосован черными полосами недавней сварки. Было видно, что дверь вагона заварена намертво, а вместо двери в борт был врезан круглый люк, который теперь заменял ее. По всем признакам это был люк переходного шлюза, снятый, с космического корабля. Выглядел, переваренный и покры-

тый ржавыми потеками рефрижератор, как заслуженный ветеран и смотрелся солиднее, чем лунная бочкотара.

Как только «лагерники» уволокли брезент и сети в сторону, многочисленные космонавты, до этого стоящие, ровными шеренгами, рядом, повинуясь чьей-то команде, полезли занимать свои места.

В сидения орудия немедленно забрались два канонира в новейших белоснежных скафандрах. Стекла шлемов, у них были светопоглощающие.

Остальные члены экипажа, в количестве не менее тридцати человек, равномерно расположились по всей длине поезда. Цвета у скафандров были разные – белые, серые, серебристые, но больше всего оранжевых.

Увесистым подкреплением ударной группы, была «скво», с бубном. Она заняла место, на передней платформе, рядом с пушкой. Российским репортерам, не нужно было представлять ее. Они, с первого взгляда узнали в индеанке участницу телевизионной битвы неврастеников. Затянувшееся до масштабов столетней войны соревнование психов всем, уже порядком надоело, но здесь они смотрелись, вполне, уместно.

В руке генерала Сироткина, хрипло заработала рация.

– Мы готовы. – Донеслось оттуда.

– Состав к отправке готов! – Крикнул Сироткин, обращаясь к Туртушову.

– Приказываю – вперед! Начать операцию! – Скомандовал генерал-лейтенант.

Сироткин, продублировал приказ, по рации и состав, давая протяжные гудки, медленно двинулся вперед.

«Космонавты» стоящие на платформах, то ли приветствуя зрителей, то ли прощаясь с базой, махали руками.

– В этом месте, можно дать песню «Прощай, любимый город». – Сказал Пархоменко ассистентам.

Лагерные рабочие отвечали, уезжающим, приветственными криками и свистом. Некоторые, впад в раж, неосмотрительно бросали вверх свои головные уборы. После этого толпа «оранжистов» рассеялась. Каски со стуком попадали на землю.

Группа экстрасенсов, рассредоточившись, провожала своего товарища, разглаживая панораму леса руками.

Генерал-лейтенант одобрительно похлопал в ладоши. Остальные поддержали его дружными аплодисментами. Наличие, такого числа аплодирующих военных сильно напоминало или запуск ракеты в Северной Корее, или расстрел северокорейского министра обороны.

Пархоменко и Котовский подумали об этом, но промолчали.

Калюнов молчать не стал.

– Сними-ка мне это «чучхе» крупным планом. – Сказал он оператору.

Российские репортеры, с микрофонами наперевес, бросились к ангару, центра связи. Никто им не препятствовал.

Первым объектом, послестартового интервью, стал Туртушов. Генерал-лейтенант держался скромно. Отвечал коротко, словно стесняясь своих успехов.

– Некоторую задержку, вызвала сложная экологическая обстановка, в этом районе. – Говорил он, отвечая на вопросы. – Кроме того, белорусская сторона не оказала обещанной поддержки по многим направлениям. Пришлось полностью опереться на собственные силы, подтянуть резервы, задействовать дополнительные силы, и вот – результат!

– Об остальном, подробно, можно будет поговорить вечером, а, сейчас – извините. Я очень занят. – Сказал Туртушов, в заключение.

Репортеров не расстроила краткость и сдержанность руководителя спасательной операции. Оставив его в покое, они налетели на других. Благо, генералов, вокруг хватало.

Пархоменко наскочил на Сироткина, Котовский на Киваева. Оба телевизионщика, профессионально отсекали свои жертвы, от основного стада, поставили на фоне вертолетов и начали задавать приличные вопросы.

Сироткин отвечал сдержанно и с достоинством.

– Как мы поняли, прибыв на место, белорусская сторона, мало продвинулась в решении, проблем, которые стали перед ними, в связи с неудачными опытами в сельском хозяйстве. Но надо учесть, что они не располагают, технологиями, которыми располагаем мы. После тщательного анализа, был очерчен круг задач. После чего было найдено решение. И, вот – вы видели, своими глазами, торжество российской научной мысли!

– Применение новейшей высокотехнологичной установки, намного ускорит строительство подъездного пути и соответственно ускорит, возвращение «Ласточки», на родную землю. – Говорил генерал Горюнов, в микрофон, который ему подсунил Котовский. – Разумеется, мы готовы, поделиться опытом, со своими белорусскими коллегами. Я, думаю, что этот опыт, развеет фобии, которые имеются, в наличии у местных строителей. Даже, в таком деле, как строительство железнодорожного полотна, нужно проявлять решительность и настойчивость. А, белорусы опустили руки. Все у них остановилось. Думаю после нашего приезда, дело восстановления заброшенных путей, сдвинется, в Белоруссии, с мертвой точки.

Впрочем, и интервью, с генералами были не очень продолжительными. Котовский и Пархоменко, постарались поскорее закончить этот официоз и сами влезли в кадр.

– Недружелюбная, к человеку, окружающая среда, пассивность белорусских властей, нерасторопность аварийных служб и правоохранительных органов, все это успешно преодолели российские спасатели, в своем стремлении, поскорее вызволить своих, попавших в беду товарищей. Разумеется, выяснение причин технического сбоя, потребует, еще много времени, но уже ясно – белорусские сельскохозяйственные эксперименты, каким-то образом повлияли на безопасность, наших космических полетов. – Грозно глядя в камеру, говорил Котовский.

– Когда, можно будет поставить точку в расследовании причин, приведших к незапланированному сходу, с орбиты, российского челнока? Неизвестно! – Вторил, Котовскому, Пархоменко. – Неэтические эксперименты академика Мышковца, приведшие к возникновению аномально-экстремальных зон, на территории Белоруссии, уже оказали свое негативное влияние, на аэрокосмическую отрасль Российской Федерации. Возможно, по завершению следственных действий, последуют переговоры, на самом высоком уровне. Сейчас многие, в России понимают, что нельзя, в угоду высоким достижениям агросектора Белоруссии, ставить, под угрозу, целые отрасли российской промышленности.

Сам Котовский, собрав эмоции в кулак, уже смотрел, в камеру, с трагическим прищуром.

– Особо хочется отметить, простых белорусских людей, беспощадно преследуемых, в своей стране, властями. Невзирая, на постоянную опасность быть отправленными в колхозы, на лишения и голод, которые они терпят, не идя, на компромиссы с системой, они, рискуя жизнью, отправились, к месту приземления «Ласточки», чтобы не позволить официальным представителям, провести корректировку и произвести демонтаж оборудования, которое вероятно находится в указанном месте. У нас имеются достоверные сведения, что именно это оборудование, отнюдь не гражданского назначения, привело к отклонению нашего корабля, от намеченного курса.

– Союзнические отношения, между нашими государствами, предполагают тесные и доверительные контакты, в оборонной сфере. – Недоуменно глядел, на телевизионную аудиторию, Пархоменко. – Почему, же данные о наличии в Белоруссии, так называемой Молочаевской аномалии, стали известны, лишь, при столь трагических обстоятельствах? Нам известно, что подобная зона, здесь – не единственная. Сколько еще, таких островков непредсказуемости, ждут своего часа, чтобы в определенный момент, вызвать неразбериху, в воздушных пространствах, сопредельных государств?

Пархоменко, сделал короткую паузу, отдышался и продолжил:

– Имелись, ли у белорусских властей, скрывая данные факты, намерения шантажировать российскую сторону? Вопрос остается открытым!

– Возможно на основе оборудования, предназначенного для сглаживания, последствий экологического кризиса, в Белоруссии, разрабатываются системы, совершенно другого назначения. – Чеканя каждое слово, говорил Котовский. – Возможна ли перестройка активатора Мышковца, на военный лад? С мирным атомом, такая угроза существует. Какую угрозу, для России и мира, таят, в себе злополучные резонансные излучатели? Мы пока не знаем. Но намерены выяснить.

– Аномальные зоны – что, это, такое? Территории концентрирующие, в себе отрицательную энергию? Энергию, какого рода? Психотропную? Энергетически заряженную? Возможно, здесь аккумулируются вредоносные вещества. Чем, это грозит сопредельным странам? Вспышками смертельного излучения или вспышками моровых поветрий? – Спросил Пархоменко, у телезрителей. – Сегодня, в расположение лагеря экспедиции, прибыла группа экспертов. С их помощью, мы надеемся найти ответы, на поставленные вопросы.

Закончив репортажи, Котовский и Пархоменко, дружелюбно переглянулись.

– Да, брат, сегодня, мы оба были в ударе! – Говорили их взгляды. – Сегодня, мы отметились, так отметились. И телевизионные рейтинги поднимем и «Интернет» взорвем!

Не успели звезды центрального телевидения, вытереть пот и поправить макияж, как навалилась новая беда. Из-за плацкартных вагонов, со стороны третьего, прибывшего последним состава, вышла очередная группа астронавтов. Отряд, по космическим меркам, был внушительный. Людей в скафандрах, по последней моде, было человек десять. Эти были во всем белом, темные забрала, космических шлемов, отражали плывущие, по небу облака. Остальные были в авиационных костюмах. Даже, непосвященные поняли, что это новые экипажи вертолетов и сопровождение. Пархоменко насчитал семнадцать человек, Котовский – девятнадцать. Группу сопровождал заместитель Смирнова, полковник Вишневецкий.

Когда группа предстала перед генерал-лейтенантом, Вишневецкий попытался, как-то подравнять строй, но, сколько он не подпихивал одетых в скафандры, аномальных первопроходцев, ничего не получилось.

Впрочем, Тургушову до этого не было дела. Он удовлетворенно оглядел отряд и спросил:

– Кто старший?

– Я, майор Тучкин.

– Ну, что, же, Тучкин! Задача понятна?

– Так точно! Задача понятна. Техника готова. Десантная группа готова.

Услыхав слова «десантная группа», Котовский и Пархоменко готовы были выть, от счастья. Операторы, не дожидаясь команды, кинулись вперед и, перемещаясь с места на место, старались запечатлеть десантную группу, со всех сторон.

– Если вопросов нет – не буду, вас, задерживать.

– Разрешите приступить, к выполнению задания?!

– Приступайте!

Вертолетчики сделали, четкий поворот «кругом», «астронавты» развернулись, как кургузые медведи. Группа направилась к вертолетной площадке. Зная, что их снимают, все старались идти вровень, чтобы в телевизоре, это выглядело красиво, но люди в скафандрах постоянно сбивались, с шага, спотыкались и натыкались, на спутников. Впрочем, это никак не повлияло, на торжественность момента.

Когда вертолеты, поочередно взлетев, собрались, выстроились клином и направилась в точку десантирования, российские репортеры бросились узнавать подробности.

Генерал-лейтенант, отгородившись приближенными, только дружелюбно помахал, им рукой, а общаться отправил, генерал-майора Смирнова.

Смирнов был важен, сдержан и выглядел ответственно.

– Сегодня, как вы видели, будет произведена высадка специалистов «Роскосмоса», на месте посадки корабля многоразового использования «Ласточка». – Сообщил, в ходе разговора, с российскими журналистами, Смирнов. – Так, мы окончательно возьмем ситуацию, под свой контроль.

– Значит, это все-таки была посадка? Не падение? – Поинтересовались журналисты.

– Это была аварийная посадка. Но экипаж, проявив высокое мастерство, блестяще, с ней справился.

– Выходит – технические характеристики корабля, позволяют ему садиться, даже в труднодоступной местности.

– Получается, что так. Но! – Генерал, предостерегающе поднял руку. – Все подробности, об этом, вы сможете получить, только по окончании, спасательной операции, и завершению расследования, причин, технического сбоя.

Репортеры вернулись к своим бригадам, довольные, как игроки в рулетку, сорвавшие куш.

Приняв поздравления, Котовский уловил движение в стане белорусов и, обратив внимание, в ту сторону, заметил, что они переезжают. Впрочем, переместились они недалеко. Отъехали к краю вертолетной площадки и снова выгрузились.

– Да, совсем пали духом, бедолаги. – Подумал Котовский. – Надо их приободрить. Хоть словом. Коллеги, по цеху – как никак! Хоть и местечковые!

Велев сотрудникам быть наготове, он, прихрамывая, двинулся, в сторону белорусских коллег.

Пархоменко, заметил его маневр, и, сомневаясь, в чистоте намерений товарища, поспешил, следом. Котовского, он догнал на полпути.

– Куда собрался? – Спросил он.

Котовский, не скрывая ничего, объяснил. Убедившись, что последним движут исключительно альтруистические намерения, Пархоменко успокоился и решил присоединиться, к начинанию.

Вдвоем, они подошли к расположению белорусского телевидения и обнаружили, что обстановка, здесь, отнюдь, не критическая. Упаднические настроения, у белорусов не проглядывались. Чувствовался, даже некоторый творческий зуд, во всем коллективе. За исключением, пожалуй, двух барышень, которых этот зуд не затронул и они, с наивным интересом, просто, взирали на происходящее вокруг них.

Бородатый руководитель сидел на приступке микроавтобуса и беседовал с красавицей, которая раньше, излучала флюиды неприступности. Сейчас, с руководством она беседовала довольно мило и, даже смеялась, время от времени.

При виде приближающихся коллег, бородач встал и поспешил им навстречу.

– Калюнов! – Представился он, первым протягивая руку. – Калюнов! Можно, просто Саша!

Оба и Пархоменко, и Котовский, молча, но благожелательно пожали собрату руку. Называть, себя, они не видели смысла – оба репортера, были слишком заметными фигурами на центральном телевидении. К тому, же было видно, что на сидении стоит развернутый планшет, следовательно, Калюнов видел их репортажи, которые, уже пошли в «Интернет».

– Ну, как, у вас – тут? – Спросил Котовский.

– Нормально! – Воскликнул Калюнов. – Вот, ваши репортажи просматриваю. Просто – блеск!

Котовский и Пархоменко дружно пожали плечами, мол, для нас это дело обыденное, не то, что для вас.

– У вас ведь и прямое включение будет? – Поинтересовался Калюнов.

– Через сорок минут. – Взглянув на часы, сказал Пархоменко.

– У нас, ведь как?! Старшее поколение компьютерам не очень, доверяет. Им телевизор подавай. – Сказал Калюнов. – Поэтому все новостей ждут. Можно сказать, сегодня вся страна за этим цирком следит.

– Почему – «за цирком»? – Недоуменно спросил Котовский.

– Извините, неудачно выразился. – Сказал Калюнов. – Хотел сказать – «за представлением». Нет, снова неудачно выразился! За предприятием? За попыткой? Нет! Погодите, сейчас подберу слово.

Калюнов стал ожесточенно тереть лоб.

– Так, какое, же определение, здесь подходит? Надо, что бы – в точку, и вам не обидно было! Погодите, сейчас!

Сотрудники бородача, даже не прятали улыбки.

Котовский и Пархоменко переглянулись, пожали плечами и, не прощаясь, пошли назад.

– Какое, же – слово? Какое слово, здесь, подходит?! – Ожесточенно, тербил бороду Калюнов и протягивал, вслед уходящим, руку.

Когда российские репортеры отошли, на достаточное расстояние, он негромко сказал:

– Авантюра – подходит.

– Нашел определение! – Громко крикнул он, вдогонку, уходящим. – Будем, с нетерпением ждать, новых выходов в эфир!

Дозорная дрезина медленно катила, по знакомой колее, в сторону окончания пути. Четыре члена экипажа, в оранжевых скафандрах, хранили гордое молчание. Общаться они могли, только по внутренней связи. Скафандры были старомодные. Связь соответственно допотопная, требующая переключения тумблеров. Поэтому, в экипаже, существовала договоренность, чтобы не создавать панику в эфире, передатчик старшего будет работать на прием из Центра Управления, а дальше – как бог пошлет.

Старшим в команде, на правах ветерана, был Коля Куприянов, экстренно переведенный из лаборантов, в полноценные измерители.

В этом качестве, он занимал передовую позицию, в передней части дрезины, наблюдая за приборами и исполняя обязанности передсмотрящего.

Метров, через пятьсот, смотрящий, предостерегающе поднял руку, и скомандовал:

– Стоп!

Моторист, от неожиданности, затормозил, так резко, что чуть сам не выпал из седла и не растерял своих пассажиров. Коля не вылетел на рельсы, просто чудом, успев в последний момент, зацепится ногами, за какой-то технологический выступ, в транспортном средстве.

Новобранцы крутили по сторонам головами, ожидая, то ли нападения, то ли еще, чего.

– Рельса пошла! – Сообщил Коля, товарищам.

Свесившись, с дрезины, он осмотрел путь и добавил:

– Костыли рассыпались.

Космонавты полезли с дрезины. В руках у одного был лом, у другого кувалда. Коля неукложе присев, поковырял пальцем место крепления и удивленно сказал:

– В труху рассыпались. Будто деревянные! Костыли, у нас, есть?

– Это моторист! Костыли есть. Было предупреждение! Целая коробка. Конец связи. Прием.

Два костыля забивали долго, минут двадцать. Закинув лом и кувалду, обратно на дрезину, космонавты залезли обратно. Поехали. Как только участок с железобетонными шпалами, сменился пролетами, где шпалы были деревянными, командир, предварительно уцепившись руками и ногами, за дрезину снова скомандовал:

– Стоп! Остановка.

На этот раз моторист среагировал, без паники, и притормозил бережно. «Лом» и «Кувалда» проклиная судьбу, полезли с дрезины.

Коле, тоже хотелось выразиться, но он помнил слова Елизаветы Меркуловны, которая говорила, что в лесу ругаться нельзя. Потом он вспомнил слова Ржавого и, чтобы облегчить участь товарищей, сказал:

– Можно говорить «елки-палки». Это в лесу, допускается.

«Лом» и «Кувалда», тут, же воспользовались предоставленной возможностью.

Коля насчитал десять неизвестно, как растворившихся костылей.

На это связь отреагировала троекратным «елки-палки»!

– В, этом прикиде, тут, на неделю работы. Прием.

– Может, кто повытаскивал? Прием.

– Нет. Вот следы от них остались. Осколки, из шпал торчат, только не железные, похоже....

– А, какие? Конец связи!

– Разве разберешься, в этих рукавицах! Структура непонятная. В труху, как дерево рассыпается. Но, точно не определишь.

Занятых тяжелым трудом передовиков, отвлек от работы не шум поезда, а сопутствующая вибрация пути. Прервавшись на время, они обернулись назад и увидели приближение космического бронепоезда.

Зрелище было внушительное. Если бы не духота и повышенная влажность из-за обильных выделений потовых желез, внутри скафандров, сердца рабочих, возможно, наполнились бы гордостью. Но поскольку, скафандры мало подходили, в качестве спецодежды, для ремонта путей, их сердца наполнились, лишь завистью, к стоящей на носу поезда, бабе, с барабаном. Одета баба была странно, но все-таки в обычную одежду. Так что дышалось ей легко, а одежда не сковывала движения. Наверно, именно по этому, незнакомка, радуясь жизни, время от времени стучала в свой барабан и, радостно подвывала.

До железнодорожных рабочих, в их шлемах, с бодрой надписью «СССР», на лбу, внешние звуки доходили слабо, но внешнее впечатление, было именно такое.

Поднявшись с лужка Шалого, вертолеты десанта выстроились клином, и направились к месту приземления «Ласточки». Майор Тучкин вел головную машину. Справа от него, находился капитан Звонко, слева – капитан Бойко.

Едва машины оказались над лесом, как приборы наведения, стали нести ахинею. Впрочем, экипажи, были заранее предупреждены и готовы, к этому.

Взяв за ориентир, более светлую проплешину, бывшего военного городка, Тучкин, повел свою эскадрилью, по азимуту.

Вскоре внизу, появилось пятно тумана, укрывающее лес, почти до верхушек деревьев. Смирнов, во время инструктажа, предупредил летчика, что пятно и является основным ориентиром, на местности и под слоем тумана, скрывается российский космический аппарат.

– Пятно небольшое. – Сказал, тогда, генерал. – Ориентируйте высадку десанта, по центру.

– Идит, его бога ветров Эола! – Выругался Тучкин. – Пятно называется! Да, тут – пять на пять, в тумане.

– Сделаем облет. – Подал он команду.

Облетели участок леса укрытый туманной завесой. Площадь туманного покрытия, в самом деле, составляла неправильный квадрат, со сторонами, в пять километров. К тому, же, по мере приближения, к центру, дымка поднималась все выше и выше, образуя нечто похожее на купол.

– И куда нам, этих высаживать?! – Злился Тучкин.

Облетели пятно, по периметру. Потом прошлись, над центром образования.

Тучкин, решил не заниматься самодеятельностью и связался с базой. Пока, там искали ответственного, за полеты, вертолеты, барражировали над туманностью.

На связь вышел генерал Смирнов.

– Докладывайте, что – у вас?

Тучкин подробно доложил.

– Центр, все равно остается центром. – Сказал Смирнов. Верхушки деревьев, над туманом проглядываются?

– Проглядываются, только по краю. В центре туман стоит горбом.

– Вот! Там в центре проплешина была. По началу, когда туда летали, и не затянуло, в месте приземления, просматривалась низкорослая растительность. За три дня, там ничего не выросло. Пусть, отсутствие крон деревьев, над задымлением, послужит, вам дополнительным ориентиром. Высаживайте десант, ориентируясь на верхнюю точку приподнятости.

– Понял, вас! Значит – высаживаем?

– Высаживайте. Выполняйте приказ!

– Есть – выполнять приказ!

Вертолеты, еще раз прошлись над туманом.

– Вот, точно – здесь! – Убежденно сказал Бойко. – Крон высоких деревьев не видно.

По бокам есть, а по центру – нет!

Вертолеты поднялись, еще выше, и зависли, на месте. Сверху было видно, что купол имеет неправильную вытянутую форму.

– Тут, она – проплешина! Я, тебе говорю! – Радостно сказал Бойко.

– Ты приглядиись хорошенько! – Охладил пыл товарища, капитан Звонко. – Какая, же это проплешина?! Это целая полоса! Километра на четыре, минимум.

– Ну, и – что?! Они, когда раньше летали – видимость была! – Рассуждал Бойко. – Это нам, тут гадать приходится, а начальство летало – не приглядывалось. Проплешина и проплешина! Аппарат на ней лежит, и – ладно. Точно говорю – это место.

– Место – то! Согласился Звонко. – Только где тут – реальная середина, не известно.

– Нечего тут думать! – Сказал свое слово Тучкин. – Приказ был – высаживать, по центру. Значит, в центре пятна и высадим. Не маленькие пятьсот метров, до объекта, ножками прогуляются. Один направо сходит, другой налево. Найдут, что потеряли.

Тучкин щелкнул тумблером, делая переговоры пилотов, доступными, для пассажиров и командовал:

– Всем экипажам, одеть, кислородные маски! Начинаем снижение.

По заранее утвержденному плану, первым высаживать, своих пассажиров, должен был экипаж капитана Звонко.

Тучкин продублировал, полученные, тем, ранее, инструкции, подав команду:

– Звонко, пошел!

Звонко начал медленно снижаться. Когда до кромки тумана, оставалось метров тридцать, и второй пилот, открыв боковую дверь, стал проверять систему тросового спуска, сбоку от вертолета, что-то пыхнуло. Пыхнуло ярко, но не сильно.

– Звонко, что, там – у тебя? – Спросил Тучкин.

– А, что – «у меня»?

– Отблески, какие-то?

– Не знаю. Миша, что там – за отблески? – Спросил, капитан, у второго пилота.

– Не знаю. Может, от тумана, что отражается! – Ответил Миша, продолжая, возиться с лебедкой.

В этот момент, рвануло по настоящему. И блеснуло – синим пламенем. Мишу взрывной волной отбросило в пассажирский отсек, на длину страховочного троса. Не успел, никто из членов экипажа и пассажиров, о чем-нибудь подумать, как бабахнуло, под днищем вертолета. Взрыв был мощный. Машину, даже подбросило.

Капитан Звонко, не имея, никаких мыслей, действовал рефлекторно. Удержав штурвал, он послал машину вперед. По законам физики, уходить от обстрела следовало, на малой высоте.

Набирая скорость, вертолет капитана Звонко, устремился вперед. Вокруг него вспыхивали клубы пламени, то красного, то синего. Вертолет шел, через эти вспышки. Его бросало из стороны в сторону, но Звонко крепко держал штурвал.

Пламя врывалось, через открытую дверь в пассажирскую кабину. В кабине запахло гарью.

– Попал под обстрел. Ухожу! – Сигнализировал Звонко, командиру эскадрильи.

– ...ди! Сами.... Уходим.... – Донеслось до капитана и его пассажиров.

На высоте, дела у двух других экипажей были не лучше. Вокруг их машин, все, тоже, полыхало, то красным, то синим пламенем. Здесь, даже, было хорошо видно, как из туманного пятна, стремительно вырывается что-то объемное и, волоча, за собой туманный шлейф, устремляется к винтокрылым машинам. Подлетев к вертолету это «что-то» взрывалось, с чудовищной силой.

Здесь на высоте, замешательство, после первого удара, длилось секунд десять. Это были те секунды, когда капитан Бойко и майор Тучкин, с изумлением разглядывали, объятый огненным облаком, находящийся ниже вертолет. Пока разглядывали, долетело и до них.

Вначале экипажи уходили разными, курсами. Однако вскоре обстрел прекратился, что позволило им собраться вместе. Связь, между экипажами, почти пропала, но по смутным отголоскам в наушниках, стало ясно – Тучкин, велит возвращаться на базу.

Командир экипажа «Ласточки» сидел перед распахнутым люком корабля, в удобном шезлонге. Его не радовало ни пробивающееся, сквозь туманную дымку, утреннее солнышко, ни общество приятных дам, составляющих компанию ему и дневальному Волоховичу. Угрюмо хмурясь, он прислушивался к звукам, доносящимся из внутренностей космического аппарата, где теперь хозяйничали лесные психи.

Этой ночью, Николай Афанасьевич принял трудное и расходящееся, с его моральными принципами решение. Во-первых – он решил сдаться, со всем экипажем, умалишенным белорусам. Во-вторых, он решил не лететь в космос.

Оба решения были трудными и дались командиру экипажа нелегко. Ночью, когда он, еще сидел, в корабельном кресле, с открытыми, но ничего не видящими глазами, бортинженер толкнул его бок. Толкнул больно, так, что командир, сразу вышел их забытья.

– «Кэгебист» приехал. – Сказал Петя, когда командир встряхнулся.

– Приехал? На машине?! – В голосе командира звучала надежда.

Ему вдруг показалось, что все вчерашнее было наваждением, а теперь все вернулось, на круги своя.

– На какой машине?! На верблюде приехал. – Вернул его к реальности бортинженер. – Нас, на randevу, просит.

– Идти, не идти? – Засомневался командир, хотя понимал, что идти надо.

– Пошли, пошли! – Пихал, его бортинженер. – Наверно случилось чего-то. Потому, что он говорил, что утром приедет. И, то – не рано!

Когда экипаж вышел, наружу, там и в самом деле, находился майор Злыдник. За его спиной флегматично жевал верблюд. Рядом со Злыдником стояла Елена Павловна.

– Вот, и – наши герои! – Бодро сказал Злыдник, потирая руки. – Разбудил? Не разбудил! Видите, как хорошо, что вы не спали. Потому, что – дело неотложное!

– Слушаю, вас. – Сухо сказал Николай Афанасьевич.

– Начальство приезжало. – Сказал майор. – Потребовало ускорить процесс, запуска.

– Да? – Недоверчиво сказал Николай Афанасьевич.

– Такие, вот – дела. Если, эту ночь, считать уже за сегодня, то послезавтра, мы вашу ракету, запускаем!

– Так скоро?

– Чего тянуть? Если не шевелиться, можно дождаться кремлевской комиссии. А, нам, только ее не хватало! Короче вопрос первый – вы летите?

– Я, как командир скажет – Быстро сказал бортинженер. – Но заранее предупреждаю, мне состояние здоровья не позволяет!

– Кстати – насчет здоровья! – Хлопнул себя, по лбу майор. – Наши врачи сказали, что перед полетом, вас обязательно обследуют. Сказали, что напишут справку – готовы вы лететь или нет.

– А если не готовы? – Живо, поинтересовался бортинженер.

– Запретить, мы вам не можем, в любом случае. – Сказала Елена Павловна.

– Значит, если я к полету, не готов, а мне прикажут лететь, то, тот, кто приказал, будет отвечать за последствия? – Развил тему, бортинженер, ехидно поглядывая на командира.

– Выходит, что – так. – Кивнул Злыдник.

– Он, специально, какой-нибудь дряни нажрется, перед полетом, а я, потом, отвечать буду. – Зло подумал Николай Афанасьевич. – Он уже, раков наелся и еще чего-то местного.... Не дай бог, устриц попробует!

– Нет, не летим. Не могу взять, на себя, такую ответственность. – Сказал он вслух и неодобрительно покосился, на товарища.

– Ну, раз этот вопрос решен, то второй вопрос – второстепенный. Но задать его надо. Вы сами выходите, или вас вынести, наружу.

– Это мы, еще не решили.

– Это, ты не решил! – Буркнул бортинженер.

– Решайте скорее. Время – деньги.

– И – немалые. – Добавила Елена Павловна.

– Сколько у нас времени, на раздумья?

– Нисколько. Вот решайте, прямо, сейчас и – приступим!

– К, чему – приступим? – Тревожно спросил командир.

– Ко всему! – Радостно сказал Злыдник. – Ну, так – что? Думайте! Вон кстати Бенья идет....

– Бенья! Ты, вошек взял?! – Помахал рукой майор.

– Все есть. – Отозвался подходящий, из сумрака ночи, Бенья.

Командир оглянулся назад, поднял глаза к иллюминаторам и представил себя запертым в кабине. Вот – он сидит, там, в кресле и ждет.... Или нет – сидит и смотрит, как микроорганизмы разъедают лобовое стекло и ждет, как это будет, когда они закончат! Да, это будет похуже, чем в борокамере....

– Хорошо. Мы выходим. – Сказал он, отгоняя, от себя, кошмарные видения. – Личные вещи, можно забрать?

– Да, успеете, вы – с вещами! – Махнул рукой Злыдник. – Никто их не тронет. Пусть лежат, пока.

– Ну, чего – тут? – Спросил, подошедший Бенья.

– Порядок. – Сказал майор. – Можешь приступать. Экипаж остается снаружи.

– Да, они, могут, хоть там сидеть. Это – по барабану! Главное – формальности соблюдены.

– Мы остаемся снаружи. – Сказал командир. – Участвовать, в том, что будет происходить, внутри, мы не намерены.

– Тоже правильно! – Хлопнул, командира, по плечу, Бенья и моментально скрылся в люке.

После всего, произошедшего, на командира, напала черная тоска. Остаток ночи он просидел в шезлонге, злорадно думая, о том, что скоро космическое оборудование выйдет, из строя и события начнут развиваться в другом ключе.

– Не расплатятся белорусы, до конца жизни! Придется, к нам присоединяться, в качестве губернии....

Под утро, «моховики» притащили кабель. По словам командовавшего, ими, молодого парня, кабель был притянут из лагеря экспедиции, и был предназначен, для запитки корабельного оборудования.

– Давайте – подключайте! – Усмехался Николай Афанасьевич. – Посмотрим!

К его удивлению, кабель был подключен незамедлительно. На корпусе корабля сдвинулись нужные панели, и открылись нужные разъемы.

– Неужели, этот Бенья, разобрался, что к, чему? Ладно, посмотрим, что будет дальше! – Продолжал нагнетать Николай Афанасьевич.

Дальше было хуже. Слетав, к шведскому столу, Бенья наскоро перекусил и вернулся обратно. После этого внутри корпуса, один за другим стали оживать различные механизмы.

На этой фазе, его деятельности, Николай Афанасьевич крепко задумался.

– Может, и в самом деле.... – Думал он.

Что – «в самом деле», не додумывалось. Просто не могло такого быть, чтобы такое могло случиться. Не могли, же психи, в самом деле, запустить в космос, сверхсекретный, ультрасовременный космический аппарат.

– У нас – корпорация! Полстраны, на нее работает и, то катастрофа, за катастрофой! Нет, не полетит!

Устав, от сомнений, он сходил прогуляться. За ним сразу увязалась молодая женщина, приятной наружности.

– «Хвост» приставили, решил Николай Афанасьевич. – Боятся, чтобы не улизнул!

Ноги, сами понесли командира к взлетной полосе. Работа здесь кипела, не останавливаясь ни на минуту. Точно определить, как продвигаются дела, в предрассветном сумраке, было сложно, но, судя по «светлячкам», работы шли на пространстве, длиной в полтора километра. С краю, уже поднялась непонятная растительность, высотой в полметра. Эта полоса, была шириной метров пятьдесят. Растительность росла ровным слоем, словно подстриженная. За ней ухаживали три «садовника». Трое лесовиков, повесив на спину баллоны, обрызгивали растительный покров, неизвестным препаратом. Причем, они стояли, прямо, на этом газоне, никуда не проваливаясь. Еще, человек шесть, шли рядом с ними, с какими-то швабрами в руках и притрамбовывали обрызганную поверхность. Еще двое с длинной доской и уровнем, таскались, туда-сюда, проверяя горизонталь.

Образование было твердым. На ощупь, было похоже, на не до конца, затвердевшую губку. И, на вид, было похоже, на губку. Хорошо рассмотреть фактуру, не было возможности, потому, что «светлячки» группировались, возле работающих, а, там, где стоял командир экипажа, освещения не было.

– Не выдержит. – Озвучил свое мнение Николай Афанасьевич.

– Это, еще бересклетом не обработали. – Раздалось позади него.

– А! Кто?! – Шуганулся командир и, резко обернувшись, обнаружил, позади себя собственного, бортинженера. Рядом, с ним, тоже стояла женщина, только в годах. Видимо – сопровождение.

– Чего говоришь?

– Не до конца обработали, говорю. – Сказал бортинженер, обгладывая ножку птицы. – Еще крепить будут.

– Откуда, ты все знаешь? – Недовольно сказал Николай Афанасьевич.

– Да, вчера говорили. Сегодня, еще говорил, кто-то. Не помню. Кажется Вася Скороход.

– Ты бы поменьше с гражданскими общался.

– А, что?! Секреты они и, так знают. Чего – не пообщаться, с приятными людьми. – Весело сказал Петр Петрович, строя глазки, даме своего командира.

Командир, принял его ответ, за толстый намек, на обстоятельства, обиделся и отправился обратно к кораблю. Здесь он некоторое время дулся, а потом заснул, в своем шезлонге.

Спал он крепко. Проснулся, когда солнце встало высоко, и свет стал резать глаза.

Космический корабль, у него за спиной, довольно урчал, видимо радуясь возвращению к жизни. Это негромкое урчание, уже не напрягало. После сна, на свежем воздухе, эмоции, у Николая Афанасьевича, улеглись. Взамен нервному возбуждению пришла апатия.

Ему хотелось узнать, как обстоят дела, с наладкой оборудования, но было лень лезть в кабину, хотелось, есть, но не хотелось вставать, из удобного шезлонга. Он сидел и не думал, о том, что будет, когда они вернуться домой. Не думалось об этом, и все! Не думалось Николаю Афанасьевичу, о жене, не думалось, о детях. Было хорошо, сидеть, вот, так – не думая, на сколько тебя посадят, лет на двадцать пять или пожизненно.

Потом, с неба, раздался знакомый гул. Опытным ухом, Николай Афанасьевич определил, что приближаются вертолеты, числом не менее трех. А, раз летел, не один, то значит, у летчиков была определенная цель. Не банальная разведка. Нет. Цель была, какая-то конкретно – специальная. Николай Афанасьевич, не стал ломать голову, по поводу цели прилета вертолетного звена, и просто ждал развития событий.

Никто, вокруг, не обращал на внимания, на гул, с неба. «Лешаки» и «чебурашки» продолжали сновать, туда-сюда, как замороженные. Люди, занятые делами, иногда, досадливо, поглядывали вверх, но продолжали заниматься начатым.

Вертолеты, полетав кругами, по периметру стройки, вертолеты, вскоре вернулись к центру и зависли, где-то высоко. Потом одна машина стала снижаться. Николаю Афанасьевичу, ничего не надо было объяснять.

– Прилетели! – Недовольно подумал он. – Раньше, где были? Пиво пили?

Он поднял глаза к небу, затянутому дымкой.

– Впрочем, может, раздумают садиться. Земли, то не видно!

Машина продолжала снижаться и, наконец, зависла, на небольшой высоте.

– Точно – высаживают, кого-то. – Понял Николай Афанасьевич. – Теперь – конец! Все – по шпалам, по железной дороге!

Потом вверху, что-то бабахнуло. Сначала одиночным выстрелом. Потом началась, целая канонада! Снизу было видно, как за белесой пеленой, ярко полыхают вспышки разрывов.

– Вьетконг – жив! – Крикнул, какой-то мужик, и окружающие громко заржали.

Когда обстрел прекратился, и вертолеты стали удаляться, Николай Афанасьевич, облегченно вздохнул. На душе стало светло и радостно. Для положительных эмоций, было несколько причин. Во-первых – улетели все три машины. Значит – никто не пострадал. Во-вторых – высадиться «нашим», не удалось. В-третьих....

– Впрочем – неважно! Черт – с ним, с третьим!

Для поднятия настроения, Николаю Афанасьевичу, хватило и двух первых причин.

Глава двадцатая

Обсасывая поведение руководителя белорусской съемочной группы, с разных концов, Пархоменко и Котовский пришли к выводу, что оно вызвано завистью и, тем, что местные отрезаны от основного информационного поля.

Впрочем, перемывали они, косточки коллеге – неудачнику, недолго. Вскоре, оба заметили, что в штабе операции, возникла суэта, и репортеры разошлись, по свои рабочим местам.

Возле палатки связи, и, в самом деле, отслеживалось озабоченное оживление. Вызвано оно было несколькими причинами.

Первый звоночек прозвенел, когда поступило сообщение, от командира ударного состава, полковника Курочкина. Сообщение гласило, что движение застопорилось, поскольку пути, находятся в частично разобранном состоянии.

– Это, что – диверсия?! – Поинтересовался Туртушов. – Выяснить, немедленно, все обстоятельства!

Пока Курочкин, в космическом скафандре, ходил выяснять обстоятельства, пропала связь с экипажами вертолетов. Правда, к такому повороту событий, в штабе были готовы, и это, никого не смутило.

С течением времени, последовал доклад Курочкина. Тот сообщил, что за ночь, странным образом, растворились костыли, которыми рельсы крепятся к деревянным шпалам.

– Растворились – как? – Поинтересовался Туртушов. – Похищены? Вынуты специально?

– Нет. Рассыпались. У них, тут, костыли – деревянные, оказались. Много гнилых. Рассыпаются в труху. – Пояснил полковник.

– Как – деревянные? – Встрял в разговор, генерал Киваев. – Крепежные клинья, не могут быть деревянными. Только железными!

– Не знаю. Может – не деревянные. Но, не железные, это – точно!

– Что, сейчас, происходит?

– Потихоньку, продвигаемся вперед. Из-за защитного снаряжения, темпы работ низкие. Кроме, того, после прохода основного состава, пути позади нас, приходят в аварийное состояние.

– Вас понял. Продолжайте продвижение. Скоро пришлем подкрепление. Да, кто, там, у ремонтников – главный?

Последовала пауза. Видимо Курочкин, по внутренней космической связи, выяснял, кто главный. Наконец полковник доложил:

– Старший, в передовой группе – измеритель Куприянов. На передовом составе – бригадир Бугор.

– Пусть, Куприянов возьмет образцы крепежа и немедленно прибудет в штаб. Да, в Центр Управления. Все отбой!

Генерал-лейтенант, вопросительно, оглядел присутствующих и остановил взгляд, на генерале Киваеве.

– Вот – что, Киваев.... Придется менять планы. Выступаешь, прямо сейчас. Готовь ремонтный состав. Не строительный, а именно ремонтный. По готовности – вперед! Восстанавливай путь, за головным составом и, если понадобится, окажешь помощь, на передовой.

– Разрешите выполнять?!

– Выполняйте!

Как, только Киваев ушел, вдали глухо загрохотало. Раскаты грома накатили, на лагерь спасателей, со стороны леса.

– Что обещали синоптики? – Деловито спросил Туртушов.

– Синоптики обещали «ясно»! – Доложил Смирнов. – Но видимо, местная погода не предсказуема. Судя по облачности, дождь если и будет, то – кратковременный.

– Ничего! Нашим людям, в их экипировке, хоть в Антарктиду. – Весело сказал Туртушов. Все дружно рассмеялись.

– Смотрите! – Воскликнул, самый дальнорский. – Вон, на верблюде, кто-то едет!

– Смирнов, ты все-таки выясни, где мы находимся! Походи, поспрашивай. Может, мы на Байконуре! – Пошутил генерал-лейтенант.

– Может. – Подхватил шутку Смирнов. – Только разобраться будет трудно. Что в Белоруссии, что в Кыргызстане – места неосвоенные, а люди – заторможенные!

Едва, возле центра связи, умолк очередной взрыв смеха, вдали, над лесом, послышался гул вертолетных двигателей. Это отвлекло внимание командиров, от верблюда и его пассажира.

Гул двигателей, все нарастал, а потом показались и сами машины.

– Это, что, там – такое?! – Громко сказал кто-то.

Ответом, вопрошающему, было напряженное молчание. Вертолеты приближались не стройным клином, а неправильной «этажеркой». Две машины дымили. Когда эскадрилья приблизилась, стало отчетливо видно, что у одного вертолета, дым идет из двигателя, а другой дымит, сам по себе, словно возгорание произошло, у него, внутри.

Садись винтокрылые машины, в порядке экстренной очередности. Первым сел вертолет с дымящимся двигателем, вторым дымящий сам, по себе, и последним единственный, уцелевший.

В это время, половина лагеря, бросилась к вертолетной площадке. Сам генерал-лейтенант спешил к израненным машинам, в окружении подчиненных. Подчиненные держались, у него за спиной, стараясь не лезть, наперед батьки.

Белорусское телевидение, снимало происходящее, находясь в непосредственной близости, от места событий. Снимали двумя камерами. Одной, покидающих вертолеты, космонавтов, фиксировал оператор Гриша. Второй, которая была в руках у Калюнова, валяющий валом, к месту события, личный состав, эшелона.

– Смотрите, какая массовка! Прямо, как всенародное вече объявили. – Радовался руководитель группы.

Пока генерал домчался, до посадочной площадки, техники успели придти на помощь пострадавшим машинам. Дымящийся двигатель залили пеной. Когда из второго вертолета, у которого дымил корпус, вывалились пассажиры, пожарная команда, вошла внутрь и стала опорожнять огнетушители, хотя, что, там горит, было не ясно.

Немного не добежав до посадочной площадки, запыхавшийся Туртушов, молча обозревал сумятицу, образовавшуюся там, и не находил слов, что бы высказаться. Спрашивать, по обыкновению, что происходит, в данный момент, было бессмысленно. Это было и, так видно. Наконец, он нашел нужные слова.

– Выяснить, что произошло, во время полета! – Срываясь, на хрип, крикнул Туртушов.

Выяснять бросилось почти все окружение генерал-лейтенанта. Даже генерал Милюта, поспешил, в эпицентр событий. При этом он прекрасно понимал, что ему, как снабженцу, там делать нечего, но оставаться на виду у Туртушова не хотелось. Пребывая, рядом с командующим, в такой напряженный момент, можно было, запросто, попасть под горячую руку. Быть ответственным, неизвестно, за что Милюте не хотелось, поэтому он стал энергично сновать в толпе народа, рядом с приземлившимися геликоптерами.

Рядом, с Туртушовым, остались, только полковники Калабалин и Бородин. При этом, Бородин, несколько раз обернувшись, посмотрел на лагерь и, пожимая плечами, дал понять, что в зоне его ответственности – полный порядок.

Калабалин, вообще, смотрел в другую сторону. Его внимание, больше привлекал верблюд и его ноша. Корабль северных пустынь медленно приближался к лагерю. Между его горбов сидел одинокий всадник, который вызывал у Калабалина, какие-то неясные ассоциации.

– Видел, я, его. – Думал полковник. – Только, где и, когда? Не Лоуренс Аравийский – ясно! Но – кто?!

Додумать, Калабалин, не успел, потому, что к Туртушову, подвели майора Тучкина.

– Так! Майор, что произошло? – Бросился, к командиру эскадрильи Туртушов.

– При попытке, высадить десантную группу, попали, под обстрел. – Сказал Тучкин и, удивленно вытаращил глаза, словно размышляя, над сказанным.

Вокруг установилась тишина. Тишина вибрировала напряжением, причем так долго, что некоторым даже надоело.

– Всех немедленно – сюда. – Тихо сказал генерал-лейтенант.

Все, и, так были на месте, поэтому реакция последовала вялая. Окружающие стали переглядываться, выискивая, кого, еще не хватает. Генерал Милюта, который прятался, за вертолетом, задавался вопросом: «Выходить, не выходит?»

– Белорусов, всех сюда! – Четко выговаривая слова, сказал Туртушов. – Всех! Милицию, администрацию и особенно – майора Злобного.

Генерал Смирнов, не дожидаясь повторного приказа, бросился выполнять.

Тут, Калабалин, еще раз взглянул на погонщика верблюда и вспомнил.

– Это, же, он, и есть. Тот самый майор, который привозил священника.

Подождав, из вредности, пока генерал Смирнов скроется с глаз, Калабалин сказал:

– Майор Злыдник, товарищ генерал.

– Что?

– Майор Злыдник. Не Злобный. Он здесь, кстати.

– Где? Не вижу!

– Вон – он. Подъезжает. – Кивнул Калабалин, в сторону верхового транспорта.

Все разом, повернулись, в ту сторону. Даже те, кто не слышал разговора, стали смотреть, на приближающееся животное. Наездник, заметив, что всеобщее внимание, обращено на него, немало, не смутился, а наоборот принял более величественную позу. Уперев, руку в бок, он гордо взирал, на собравшуюся, возле вертолетов толпу.

– Это – непереносимо! – Сходил, на пему, Туртушов. – Сам, генерал-лейтенант, его ждет, а он едет, на верблюде и, хоть бы хны! Ну, подогнал бы – что ли!

Подъезжать, напрямиком, к космическому начальству, Злыдник не стал, а спешил, рядом с белорусским телевидением. Водители, при этом, поспешили ему на помощь, а оператор Гриша тактично не стал снимать, этот, отнюдь, не идеальный, в эстетическом плане, момент.

Отряхиваясь, по пути, от верблюжьей шерсти и дорожной пыли, майор Злыдник не спеша, шествовал к ожидающему, его генерал-лейтенанту.

С, совершенно, безмятежным видом, он прошел, сквозь расступившуюся толпу и, остановившись в сторонке, вежливо сказал:

– Здравствуйте.

– Майор Злыдник?! – Напряженно глядяваясь, спросил Туртушов.

– Да, это – я!

– Объясните, немедленно, что происходит!

– Что – именно, и – где? – Поинтересовался Злыдник, всем своим видом, выражая готовность, бросится на выручку генерал-лейтенанту.

– Наши вертолеты, только, что были обстреляны! – Польшнул яростью Туртушов. – А, вы спрашиваете – «что именно»?!

После слов генерала, Злыдник стремительно направился, к вертолетной стоянке, оставив его, вместе со всем окружением, в растерянности.

Возле поврежденных машин, продолжались спасательные мероприятия. Техники, обхватывая вертолеты, брызгали, из огнетушителей, в подозрительные места, а специалисты, при помощи добровольцев, разоблачали десантников. В начале, людей в закопченных скафандрах, хотели увести, в укромное местечко и провести эту операцию, подальше, от глаз любопытной публики и белорусского телевидения. Но, после того как трое упали и забились в конвульсиях, пришлось действовать, на месте. Первым, бросились оказывать помощь, тем троим, что корчились, в судорогах.

Когда, с них, стащили головные уборы, стала понятна причина недомогания последних. Все трое, хоть и являлись представителями космического ведомства, но были людьми сугубо штатскими. Все трое были специалистами узкого профиля и отвечали за состояние сложного космического оборудования. В десантной операции, им, до того, участвовать не доводилось. Кроме всего прочего, новоявленные десантники, в первый раз летали, на вертолете. Если по дороге, туда, их лишь немного укачало, то при отступлении, в хаотичной болтанке, специалистам стало плоховато.

Когда с них стащили наголовники, оказалось, выражаясь литературным стилем, что десантников вытошнило. Причем вытошнило, так, что шлемы переполнились рвотными массами, которые забили дыхательные каналы и вентиляционные путепроводы. Еще минуты, две-три, и «Роскосмос» лишился бы ценных специалистов.

Злыдник проскочил мимо лежащих на земле тошнотиков и стал внимательно разглядывать корпус ближайшего вертолета. Обежав его кругом, он поспешил ко второму, потом к третьему.

Туртушов, тем временем, в состоянии помутнения рассудка, отдавал приказы, рассылая подчиненных, по разным направлениям, с самыми нелепыми поручениями

Обратно майор возвращался не спеша. Вклинившись в группу командования, он вопросительно наклонил голову и обратился к Туртушову:

– С, чего вы взяли, что машины, с вашими людьми, подверглись обстрелу?

– Как – «с чего»? Мне доложили! Майор Тучкин, повторите, специально, для майора Злыдника.

Тучкин, коротко описал историю воздушного сражения.

– Я, не видел ни одной пробойны. – Сказал Злыдник, когда тот закончил, свое повествование. – С, чего вы взяли, что в вас стреляли?

– Были разрывы! – Вспыхнул Тучкин. – Причем, множественные. Две машины пострадали.

– Не просто пострадали. – Сказал Злыдник. – Правильнее – пришли в негодность. И, не две, а все три. Вы, майор, приняв технику, сопроводительную инструкцию, внимательно прочитали?

– Какую инструкцию? – Вспыхнул Тучкин. – Я, сколько лет – за штурвалом!

– Вчера, при передаче техники, генералу Смирнову, были переданы инструкции, по обеспечению безопасности полетов, в лесистой местности. Вдобавок, к ним была приложена, сопроводительная записка, от наших пилотов. Там, они, в дружеской форме, информировали вас, об особенностях белорусского воздушного пространства. Вы записку прочитали внимательно?

– Я ничего не получал. – Твердо сказал летчик.

– Вы у генерала Смирнова спросите, где бумаги. – Посоветовал Злыдник. – Теперь – насчет обстрела. Довожу, до сведения присутствующих, что никто не стрелял, а был выброс газа. Не надо было, так низко опускаться.

– Газа? – Мрачно спросил Туртушов. – Что, это за газ – такой?! Откуда он взялся?

– Газ болотный. Взят из болота. – Внес ясность Злыдник. – Еще вопросы есть?

– Вопросы будут – Уверенно сказал Туртушов. – Самый главный – где вы ходите? Я несколько раз вызывал, вас, к себе, и вы не соизволили!

– Меня собственное начальство, несколько раз, на дню, вызывает, и, то не всегда могу от дел оторваться. – Сказал Злыдник.

Сказано было сильно. Туртушов и все окружающие поняли, что майор, не прямо, но заявил, что плевать он хотел, на российских генералов.

– Как связаться с вашим руководством? – Приняв официальный вид, сухо спросил Туртушов.

– Только, по официально налаженным каналам. Прямой телефон, председателя КГБ, сами понимаете, дать не могу.

Опять, сказано было сильно. Всем стало понятно, что майор с генералом Аксамитовым находится в контакте, без посредников.

– Хорошо. Посмотрим. – Сказал генерал-лейтенант. – Что касается вас! Требую, чтобы вы на данном этапе операции, постоянно находились, в пределах досягаемости. Я ясно выразился?!

Злыднику хотелось сказать, что он сам, никуда не собирался уходить, на самом интересном месте, но ответил коротко.

– Ясно. Вас понял!

Туртушов резко развернулся, на каблуках и, разглядывая свое окружение, стал выскивать на кого выплеснуть, накопившиеся за время, разговора с «этой сволочью», эмоции.

Генерал Милюта, стоя за вертолетом, курил и тихонько радовался.

Когда Туртушов, осмотрев остатки, штабной группы, устремил взгляд, куда-то вдаль, у многих завибрировали коленные суставы. Однако генерал молчал, по-прежнему, глядя, мимо подчиненных. Тот, кто первым осмелился проследить, за его взглядом, растолкал остальных.

Со стороны леса, шел рабочий космонавт, в оранжевом скафандре, с коробкой в руках. То, что он направляется, к группе командного состава, было видно, по четко выверенному маршруту.

Когда человек в скафандре, приблизился, коробка в его руках, стала вызывать некоторые подозрения. Поэтому космическое окружение Туртушова расступилось, а полковники Калабалин и Бородин взяли визитера в клещи. Прибывший, не мало не смущаясь, что его держат под локотки, протянул коробку генералу.

– Это, что, это – такое? – Недоуменно спросил Туртушов. Что, еще – за посылка?

Прибывший, видимо, что-то говорил, но сказанное не выходило, наружу.

– Да, снимите с него это! – раздраженно сказал Туртушов.

Несколько человек разом, накинулись, на посыльного, и, едва не повалив того на землю, сорвали шлем.

Перед Туртушовым, предстало красное, потное и радостное лицо Коли Куприянова.

– Вот! – Сказал он, жадно вдыхая свежий воздух.

– Что – вот? – Спросил генерал-лейтенант, брезгливо разглядывая, промасленную коробку.

– Костыли! Вы просили!

– Крепеж?

– Ага!

– Показывайте!

Коля, не долго думая, вывалил содержимое коробки, под ноги генералу. Крепеж вывалился с глухим стуком. По железному, не звенело.

Генерал раздраженно смотрел, вниз, пока полковник Горюнов, не бросился ему в ноги, и не поднял костыль, с земли.

– Вот! – Протянул Горюнов, костыль Туртушову.

– В самом деле, это – не железо. – Вертя костыль в руке, сказал генерал-лейтенант.

Человека три, желая, показать свою расторопность, тоже похватили крепеж и стали внимательно его рассматривать.

– Не железо. – Поддержал Туртушова, полковник Сабонеев. – В самом деле, на дерево похоже.

– Говорят, есть дерево железное. – Задумчиво сказал полковник Миронов. – В воде тонет. Но крепкое. Может у них, теперь, такое, растет и они из него костыли делают.

Все дружно повернулись к майору Злыднику.

– Не слыхал. – Решительно сказал тот. – Вернее, о деревьях слыхал. Китайский вяз, называется. У нас теперь растут такие. О, таких технологиях, мне ничего не известно. Здесь есть представитель белорусской железной дороги. У него спросить можно.

Послали за железнодорожным представителем. Пока его разыскивали, костыли разглядывали, со всех сторон, скребли пальцами и ковыряли перочинными ножиками.

Генерал Туртушов, делал разнос Куприянову, мол, почему не досмотрел!

Коля оправдывался, тем, что измерения были в норме, на вид, костыли – как железные. Каждый не перешуipaешь. Да и в голову, подобное не приходило.

– Надо, что бы пришло! – Орал Туртушов, выплескивая эмоции. – Если не приходит, то, какой вы специалист! Отстраняю вас от работы! Немедленно отправляйтесь в распоряжение полковника Безлюдного! Все!

Злыдник, не привлекая внимания, взглянул на часы. Время приближалось к часу дня.

– Ну, что, же, – подумал он, – нам, еще полдня и день продержаться.

Бывший командир экипажа, а ныне, просто – летчик-космонавт, Обозный, решил перекусить и направился к шведскому столу, расположенному на месте торжественной встречи. Лезть, в «Ласточку», за космическими деликатесами не хотелось, потому, что там орудовал Бенья и, еще двое каких-то новоприбывших лесных чудища.

– Теперь – все равно! – Думал Обозный. – Никуда не летим. Теперь – только поездом. В солнечный Магадан.

– Вы, что, все время, за мной ходить будете? – Раздраженно спросил он, у женщины, которая шла следом.

– Так, точно, товарищ полковник. – Скромно потупившись, ответила та. – Вы, же – в зоне моей ответственности.

Обозному, стало неловко, за свою резкость и он сказал:

– Вы тогда не ходите следом. Ходите рядом. А, то, я неловко себя чувствую.

– Хорошо. – Сказала женщина и пошла рядом.

– А, что значит – в зоне ответственности? – Спросил Обозный.

– Это, что бы вы не пострадали. Эмоции у вас, негативные. От этого, желудями побить может или, вообще – запорошить.

– Желудями, это – как? И, запорошить, это – что?

– Когда у человека эмоции отрицательные, в него желудями пуляет.

– Деревья – далеко. – Заметил Обозный, оглядываясь.

– Это неважно, товарищ полковник. Они реактивные. На двести метров летят. А каштаны, еще дальше.

– Извините, вас, как величают?

– Соня.

– А – по отчеству?

– По отчеству, у нас, не различают. Соня Мармеладка, если будете, у кого спрашивать. Потому, что есть, еще Соня Золотушная и Соня Мумитроль. Это – которых я знаю. Золотушная – здесь. А, Мумитроль не пришла. У себя в Столовом Лесу осталась. У нее поляны – самые земляничные. Ей никак, в период, созревания, не оторваться.

Занятые увлекательной беседой, Обозный и Мармеладка подошли к столу.

– Вы колбаску попробуйте и ветчину. У нас, ее теперь, по натуральной технологии делают. По три, четыре года выдерживают.

– Спасибо! А скажите! Вот я сомневаюсь. Неужели полосу, за два дня построят?

– До послезавтра. – Сказала женщина. – Конечно, построят. Вон ботаников, сколько. И, все время новые подходят. Великий почин, как ни, как!

– Ага! – Раздумчиво пережевывая ветчину, сказал Обозный. – Вот, вы, про зону ответственности говорили?!

– Ну, это – просто! У меня, к вам эмоции – положительные. Я, же понимаю, что ответственность, на вас, большая. Вот и гашу, ваши отрицательные, своими положительными.

– Значит, я, у вас, энергию забираю?

– Да, господи! Какая, там энергия. Вот, когда клюкву собирают, болотный газ отводить, там – энергия!

– Да, да. Скажите, этот ваш Беня, он специалист хороший? Как вы думаете – справится?

– Чего, тут думать?! Раз взялся, значит – справится! Если бы не справлялся, так бы и сказал, мол, не справлюсь. Здесь, товарищ полковник, дешевыми понтами не кидаются. Все прямо говорят. Как есть. Пустишь пыль в глаза, сразу, такой пылью заметет, что – хана! И, в лес – свободного хода, нет. Начинать с нуля. Это когда оправишься. Некоторые молодые гоблины, они у нас «юннатами» зовутся, по полгода в болоте отходили, после выпендрежа.

– Почему – в болоте. – Пробуя второй сорт колбасы, спросил Обозный.

– Так тепло, там. У нас большинство болот, зимой, как гейзеры. От теплых водорослей. Что ни болото, то – Камчатка. По краям – раздолье! Лавры растут, бамбук, хурма. Мать Бегемотов, бананы разводить, пробует.

Полковник поперхнулся. Соня похлопала его, по спине.

– Странное имя. – Прокашлявшись, сказал Обозный.

– Обыкновенное. – Пожала плечами Мармеладка. – Это Елену Павловну, Черную Метку, так называют. У нее, в Мороках, бегемоты водятся.

– Настоящие?

– Живые. Только не гиппопотамы, а карликовые, небольшие такие, с реки Конго. Их, новое панство, раньше, на дачах, в бассейне любило держать.

– Вот, это – да!

– После эволюции, они без хозяев остались, по лесам разбрелись. Их, сразу, Елена Павловна их, у себя приютила. Потом другие. Они теперь по болотам живут и размножаются, успешно.

– Извините, а почему – «Черная Метка»? Тоже, странно звучит. Если – не секрет, конечно?!

– Да чего – там! Просто, стиль, у нее такой. Она если, кого приложит, тот мало того, что обрастает, так, еще, и чернеет, как афроафриканец.

– Приложит, это, что – такое?

– Это, такое, что лучше не пробовать, на себе.

Обозный посмотрел, на проходящего мимо, с охапкой дерна, шуршащего, «моховика», и крепко задумался.

– Серафима Францевна, из Молочаевки, когда в сестрах была, Зеленой Охотницей звалась. Потому, что она зеленым цветом прохиндеев всяких, красит.

– На пенсию ушла? – Поинтересовался Обозный.

– Нет. У нас на пенсию не уходят. Она добровольно ушла. Не вынесла позора.

Обозный вслух ничего не сказал, но взглянул вопросительно.

– У нее две дочки. Одна – толковая, другая фифа городская. Так, вот эта фифа сына в суворовское училище отдала.

– И, что? – Пожал плечами Обозный.

– Как – что?! – Возмутилась Мармеладка. – Позор, на всю округу! Серафима Францевна, к тому, же, до эволюции, учительницей истории была. И, сама – родом из Кобрина. Это, для вас русских, Суворов – герой. Известно, ведь, что самолично Пугачева, в железной клетке, на казнь отвез. Ямщиком еще нарядился, чтобы смешнее было. А, у нас в Белоруссии, когда она, еще Литвой была, Суворов восстание подавлял. Причем, не только шляхта поднялась, за вольности, но и мужики, с косами, на его гренадеров шли. Против крепостного права. Сколько ваш Суворов белорусов положил! А, уж свирепствовал, то, как, после этого. Говорят, почище немцев. Ему в награду, за это, десять тысяч душ белорусских отдали. И город Кобрин, в придачу. Вот и получается, что для вас он генералиссимус, а для нас – каратель! Вот и, скажите, какой человек получится из пацана, который в училище, которое именем карателя названо, учится?! Какой, после этого, из него – защитник родины?!

Соня сняла с головы косынку и перевязала ее, на шею.

– А, вы постоянно в лесу живете? – перевел разговор, на другую тему, космонавт.

– Зачем? – Удивленно изогнула бровь Мармеладка.

– А, ведь – приятная женщина! – Подумал Обозный. – И, косметика, как – со вкусом наложена....

– Зимой в лесу делать нечего. Только боярышник пить и ландыши курить. А, мне и без того забот хватает. Я, года три назад, из колхоза вышла. Индивидуальным предпринимателем стала. Текстильную фабрику открыла. Термобелье шью, для НАТО.

– Да, что, вы, говорите?! – Опешил Обозный.

– Ну, да. Какой, никакой, а – приработок.

– Если фабрика – приработок, то, что, у вас – заработок.

– Лучше всего, клюква идет. Ее, у нас фармацевтические гиганты, всю сразу, на корню, закупают.

– И, почему?

– Так, по тысяче, за килограмм.

– Долларов?!

– Евро.

– А, сколько можно собрать, за сезон?

– Я, уже сама не собираю. Другие собирают, а я газовые потоки регулирую. Половина мне, от собранного, идет. Килограмм триста, четыреста выходит.

Обозный, чуть, снова, не поперхнулся, но вовремя, отрегулировал дыхание и сказал:

– Большие деньги.

– Немалые. – Согласилась Мармеладка. – Треть, правда, в общак идет. Ну а на остальное существую. Так, что зимой, больше, за границей живу. Путешествую.

– С семьей? – Спросил Обозный, сам не зная, почему; просто вырвалось.

– Не замужем, я – сейчас, а дети зимой учатся. – Вдохнула Соня и живо спросила:

– А, вы, сами – женатый, или – нет?

– Женат. – Сказал Обозный и, с тоской посмотрел, на восток.

Головной ударный состав, какое-то время, со скрипом, но шел вперед. Потом, кончились «костыли». Полковник Курочкин, радуясь, что не нужно бегать туда-сюда, сидя на платформе, костерил железнодорожников, в селекторном режиме.

Мастер оправдывался, тем, что подобные технические средства, не используют, с доперестроечных времен.

– И, эти, что были, неизвестно, как завалялись. – Сокрушенно, объяснял он.

– Не паникуйте. – Подключился к совещанию, генерал Киваев. – Мы, здесь, на месте, что-нибудь придумаем.

На месте, придумали резать арматуру и загибать концы крючком. Первую партию, самопального крепежа, доставили курьером. Дело, снова сдвинулось с места.

Поэтому, когда Туртушов поинтересовался, у Курочкина, как идут дела, тот, с чистой совестью, смог ответить, что дела идут – поезд движется.

Достигнув, заброшенного военного городка, поезд стал. Причиной было отсутствие крепежного материала. Киваев, сказал Курочкину, что курьеров, больше гонять не будет, а нарежет с запасом и пришлет, с ремонтным составом.

Изнуренные аномальными условиями труда, ремонтники прислонились, к платформе, отдохнуть. Сидеть, на рельсах, в выданной спецодежде, было невозможно.

Первое время железнодорожные космонавты, просто радовались отдыху. Потом, откуда-то неизвестно, то ли из городка, то ли, прямо, из лесу, вышел дед. Сразу, сообщили Курочкину. Тот, проклиная судьбу, спустился, на насыпь и отправился к голове поезда.

Ко времени, его прихода, дед, вдосталь насытившись зрелищем, женщины с бубном, присел на рельсы и, приступив к непонятным манипуляциям, завязал с ней беседу.

– Ты куда едешь? – Спросил он, через головы ремонтников.

– О, чем, ты хочешь знать? – Замогильным голосом спросила якутская шаманка Мара, она, же – Иванова Татьяна Петровна, бывшая кладовщица, из Казахстана.

– Собралась, куда – спрашиваю. По делу, или – проездом? Чего, тебя, к нам занесло?

– Вижу, ауру на тебе чужую. От того и недоверие!

– Ты, баба, эти шуточки, там, у себя пошучивай. Тут, не надо. Твои, в деревне, уже дошутились. Ты, лучше – бери ноги в руки и дуй, отсюда, пока не началось. На тебе, и, так, уже – отметина. А, если, с этими экстремистами добавку получишь, то потом – только, в цирке уро-дов выступать

Вместо ответа, Мара ударила в бубен и протяжно заголосила.

– Что, тут – у вас? – Спросил, подошедший, Курочкин, внимательно приглядываясь, к непонятному гражданину.

Два белых скафандра приблизились, к нему.

– Вот – пришел. – Сказал один.

Курочкин, по голосу, узнал Султанова.

– Сел и сидит. – Сказал второй.

Это был, как определил полковник – Рыбкин.

Рабочие, быстрее разобрались в происходящем и загалдели, в эфире:

– Самокрутку сворачивает... Точно! Курить собрался... Не самокрутка, а целая сигара, получается... Эх покурить бы, сейчас!

– А, ну – тихо! – Оборвал галдеж Курочкин.

В эфире, стало тихо.

– Рыбкин, Султанов, что думаете? Это – протестная акция? – Спросил полковник.

– Черт, его знает. Может, в самом деле – пикет. Но плакатов, не видно. – Сказал Султанов. – Главное не слышно, ни черта, что говорит. Может, протестует, а может – так.

– Если упрется, как его убирать? – Раздумчиво сказал Курочкин.

– Гольми руками, мы его не возьмем. Только током. – Сказал Султанов.

– Или – из травматика. – Добавил Рыбкин.

Дед, к этому времени, закончил процесс свертывания. Сигара, у него получилась знатная. Прямо – «Гавана».

Когда дед прикурил, в эфире, раздался дружный вздох «оранжевых».

– Тишина – я сказал. – Потушил эмоциональный всплеск Курочкин. – Ладно! Пока, ничего предпринимать не будем. Пусть сидит, пока крепеж не подвезут. Потом, если будет препятствовать движению, мы его подвинем. Всем коллективом, как навалимся! Переместим. Никуда, он не денется.

Трое «оранжистов», обособившись, стояли кучкой и оживленно переговаривались, благо никто их не слышал. Это были люди Куприянова. Оставшись, без начальника, они оказались предоставлены сами себе. Поскольку, связь, с основным коммутатором, они могли осуществлять, только через Колю, а его шлем лежал забытый всеми в ангаре центра связи, они выбились из общей струи. Быстро сообразив, что – к чему, они откровенно филонили, переложив манипуляции с кувалдой, на плечи ремонтной бригады, с «бронепоезда». Общась, исключительно, между собой, они беззаботно фланировали в куче ремонтников, совершенно теряясь, в оранжевой толпе.

– Курить хочется, мочи нет. – Сказал один.

– Не тебе одному. – Вздохнул второй.

– Можем перекур устроить. – Сказал третий.

– Как?!

– Да очень просто. Вы на деда гляньте! Сидит – курит. Никакая зараза, его не берет. А, мы, в этих шмотках – дурни, дурнями. Ладно бы, в космос летели! А, то – кувалдой машем. Давайте, как костыли привезут, потихоньку, отойдем в сторону и покурим.

– А, что можно! Коля говорил, в лесу не пьют, но курить – курят.

– Заодно и полежим, на откосе. А, то ноги, прямо гудят.

Между, тем, дед смачно курил, под завистливыми взглядами, космонавтов.

– Приедем обратно, целый вечер курить буду.

– А, я сразу пачку....

– От пачки, очоуришься!

– Ну – полпачки. Ночью вставать буду. Все перекуры, которые здесь пропустил, наверстаю.

– Курочкин, ты меня слышишь? – Прервал вялый обмен репликами, голос генерала Киваева.

– На связи!

– Состав, в лес, вошел. Стоит, у аварийного участка. Высылай людей!

– Сколько?

– Человек пять, шесть. Ноша немалая.

– Вас понял.

Киваев повернулся к рабочей команде и, отсчитав шестерых, скомандовал:

– Вы! Шагом марш, за костылями! И поторапливайтесь. Дело стоит.

Тройка «куприяновцев», попавшая в шестерку носильщиков, обменялась мнениями.

– На нас показали. Что делать?

– Задание выполнять.

– Задание, – какое?!

– Пошли, за этими троими. Они, точно знают, куда идут.

– Точно! Пошли за ними, а по дороге, смоемся.

– Правильно. Чуть, что, потом, скажем – сбились с пути, без наводящего сигнала.

Отправив транспортную группу, Курочкин стал ломать голову, над проблемой с курильщиком. Но долго думать не пришлось.

Дед, сам стал собираться. Забычковав, сигару, о рельсу, он поднялся на ноги и обратился к космонавтам, с короткой речью. Те ничего не слышали, но слова были, такие:

– Ну, раз все приехало – хватит тянуть резину. И, так, почти три часа. Майор просил, хотя бы, до часу, потянуть.

Перед уходом, он обратился к шаманствующей особе:

– Ты баба, не стой, над пропастью, во лжи. Присядь. А, то навернешься с высоты – голову расшибешь. Мозги, точно, все вытекут. Они, у тебя – жидкие, как алей. Никаким жгутом не перетянешь.

Начало прокладки просеки, откладывалось и откладывалось. Генерал-лейтенант, уже пообедал в вагоне ресторана, попил кофе в вагоне, штабном, вернулся к надувному ангару центра связи, который после начала завершающего этапа переименовали в Центр Управления, а ударный состав, продолжал ползти с черепашей скоростью.

Толпа военных, вокруг Туртушова рассосалась. У всех, в виду, замедления темпов операции, появились дела, на своих рабочих местах.

Возле него остались, только полковники Калабалин, Бородин и Миронов.

Отсутствие военных, с лихвой компенсировали гражданские лица. Трое экстрасенсов и журналисты, мощной кучкой, сплотились, за спиной у генерал-лейтенанта.

Вдобавок, возле центра связи, появились представители союзного государства. По вызову Туртушова, прибыли председатель сельсовета Заслонов, начальник УВД – Лизурчик и участковый Марченко.

Эти стояли поодаль, но в общую картину вписывались. Заслонов, даже придумал название, для эпохального полотна: «Единение армии и народа».

Наконец, Курочкин доложил, что до окончания пути, оставалось метров двести.

– До конца, ехать не обязательно! – Кричал в микрофон Туртушов. – Курочкин, ты понял?! Главное выбрать удобную позицию. Прикинь со специалистами, что и – как! После этого начинай действовать! Но предварительно свяжись, со штабом.

Прошли, еще томительные двадцать минут, под объективами многочисленных телекамер. Все это время, экстрасенсы утешали генерала, произнося успокоительные речи.

По их словам, чувствовалось некоторое противодействие, со стороны космических энергий, но все, это им, общими усилиями удавалось сдерживать.

– Все идет и движется! Скоро придут хорошие известия. – Нестройным хором уверяли экстрасенсы, Туртушова.

Наконец, Курочкин, снова, вышел на связь.

– При помощи специалистов, позицию выбрали и заняли. – Докладил полковник. – Разрешите начинать?!

Генерал-лейтенант, глубоко вздохнул, перекрестился и проникновенно сказал, в микрофон:

– Давай, сынок!

Положив микрофон, Туртушов посмотрел по сторонам. Его взгляд, удостоились все, стоящие вокруг. Три полковника, поймали на себе взгляд поощрительный, означающий, что, поскольку, в ответственный момент, они стояли, с ним плечом к плечу, их не забудут, при распределении наград. В сторону центрального телевидения, был брошен взгляд озорной, говорящий, мол, сегодня, вы, ребята, оторветесь, по полной. Экстрасенсы удостоились взгляда благосклонного, а группа белорусов, иронически-насмешливого, посылающего сигнал – смотрите и учитесь!

Еще полчаса, прошло в томительном ожидании начала.

Белорусы беззаботно курили, и, даже, тихонько посмеивались, беседуя, о чем-то своем. Эта ненапускная веселость, действовала на генерал-лейтенанта раздражающе. Ему хотелось связаться с Курочкиным и выяснить, почему тот не начинает. Но вместо этого, он велел, Миронову, вызвать генерала Незнанского.

Незнанский пришел минут, через десять.

– Объясните, генерал-майор, какое время требуется, для приведения установки в рабочее состояние? – Громко спросил Туртушов.

– От пятнадцати минут, до часа. – Сказал Незнанский.

– Что-то, они, там, тянут!

– Возможно, доводят уровень мощности, до нужного уровня.

– Понятно.

Генерал Туртушов устав, стоять, на месте, стал прохаживаться.

Прошло еще, некоторое время и, тут, со стороны леса послышался шум. Туртушов резко повернулся, в ту сторону.

В лесу шумело глухо и загадочно. Птичьи стаи, нескончаемой чередой летели в поле. Опушку, затягивала сизая дымка, и деревья колебались, словно в знойном мареве. Когда схлынула пернатая волна, на бетонке показались, выскочившие из леса, три осла. Какое-то время, они неслись галопом, потом, постепенно замедлив бег, перешли на шаг. Вдали, над кронами деревьев, появилось облачко серого дыма. Постепенно, облачко превратилось в облако, а, потом над лесом распростерлась серая туча.

– Она, что – беззвучно работает? – Спросил Туртушов, у Незнанского.

– Почти беззвучно.

– Значит – поехали! – Кивнул Туртушов и яростно прищурился в сторону леса.

В лагере наблюдателей, прекратили обсуждение, рецептов маринада.

– Понеслось! – Сказал лейтенант Мелешко.

На стоянке «Сельхоздозора», майор Нарушевич, оторвался, от ревизии добровольных пожертвований, которую проводил в связи с наплывом посетителей, и хмыкнул:

– Пошла веселуха!

Лесники переглянулись озабочено.

– Собираемся. – Сказал майор Мустыгин.

– Так в лес, когда, еще сунешься!

– Злыдник сказал: «Быть на виду. Мозолить глаза аэрокосмонавтам». Собираемся!

После ухода «курильщика», полковник Курочкин, уже не покидал авангардную группу. Крепежа, теперь, было достаточно и состав медленно, но верно шел вперед. Правда, куда-то запропастились трое рабочих, как выяснилось – экипаж мотодрезины. Однако переживать по этому поводу, не было времени. Тем более что управлять, транспортным средством, мог, каждый второй сотрудник железнодорожной бригады.

Под конец, деревянных пролетов стало совсем мало, и состав набрал неплохой ход. Когда выехали на бывшие позиции ракетных установок, вокруг посветлело. Лес тут был совсем молодой, только какой-то заковыристый, с колючими кустарниками, которые, из-за выющихся растений, издали походили, на плакучие ивы

Собственную позицию, выбирали не долго, но тщательно. Прикомандированные, к передовому составу люди генерала Киваева, сделали прикидки, сориентировались на местности и указали точку. Один, из них, после этого, залез к операторам установки и указал, им, направление главного удара.

Рабочие были поощрены словесной благодарности и отведены в укрытие. По-простому – рассажены, по «лунным» домикам, на платформах.

Курочкин связался с Туртушовым, и доложил о предстартовой готовности. Получив отеческое напутствие, полковник бодро, насколько это позволял космический скафандр, выпрямился и подал команду:

– Начинайте!

– Начинаем! – Отозвались операторы.

Прошло минут пять. Луча не было. Операторы стали потихоньку чертыхаться. Их переговоры были слышны всему личному составу.

– Вот тут посмотри. Нет контакта.

– Сам вижу.

– Перезагружай.

– Перезагружаю, уже.

В эфире наступила продолжительная пауза.

– Что – за черт! Напряжение упало.

– Что, там – у вас? – Раздраженно спросил Курочкин.

– Надо разбираться. Не фурычит, чего-то.

К установке подтянулась группа поддержки из малого укрытия, на первой платформе. Вдобавок, к ним присоединились инженеры-электрики и пара связистов, находящихся снаружи.

Началась диагностика и словесные разборки. Эфир был перенасыщен техническими терминами, которые помалу, замещались терминами лексическими, из области ненормативной лексики.

Установку перезагрузили несколько раз. Мастера ходили, вдоль состава проверяя контактные группы и теребя провода. Дизелисты заявляли, что ток они дают, а куда он уходит, пусть разбираются, те, кому больше платят.

«Оранжевые скафандры», покинув лунные убежища, высыпали на платформы. Мастеров и бригадиров, вместе с подчиненными, по приказу Курочкина, отключили, от режима «передача», чтобы избавить обслугу установки, от idiotских замечаний, и самое главное – от полезных советов.

Докладывать в штаб, о заминке, Курочкин не спешил.

– Докладывать надо, когда есть, что докладывать. А, пока, докладывать нечего.

Время шло. Градус напряжения, в обмене мнениями, возрастал. Потом установка зависла окончательно.

Специалисты стояли, вокруг нее, молча. Словно на похоронах.

– Что – у вас? – Спросил Курочкин, чувствуя, что попал в передрагу.

– Ничего.

– Могила!

В этот момент, все вокруг, странно затрепетало. Специалисты оглядываясь, увидели, как из растительности вылетают птицы. Поднимаясь вверх, они заслоняли свет, наполняя все вокруг мелькающими тенями.

– Гляньте, пичужек, сколько! – Сказал один из операторов.

«Оранжевые» на платформах оживленно крутили головами и указывали руками в небо.

Перелет продолжался недолго. Вскоре птицы схлынули.

– Чего, это было?

– Как перед пустым концом!

– Не каркай! А то – накаркаешь!

– Делать, чего теперь?

– У нее ручное управление есть. Питание имеется, значит должна заработать, если электронику отключить. Мы ее нацелили. Только на курок нажать остается...

Слушая этот диалог, Курочкин приободрился.

Специалисты по спекательным установкам, притупили к обсуждению деталей. Обсудили и постановили:

– Можно, попробовать.

Попробовать не успели.

Первому, что-то стукнуло по шлему, главному оператору.

– Что – такое?

Второму номеру, ударило в плечо.

– Ух, ты!

Потом забарабанило по остальным.

– Ой... Ай... Ой – е – ей!

Шлемы скафандров мотало от многочисленных ударов. Попадания по корпусу, экипировка приглушала, но не настолько, чтобы свести на нет болевые ощущения. Сгрудившимся возле установки наладчикам, казалось, что их молотят кулаками.

– Это обстрел! – Наконец крикнул, кто-то.

Курочкин почувствовал, как и его что-то ударило в грудь, причем, так, что перехватило дыхание. Поэтому он, сперва, просто хрипел в эфире. Потом, понимая, что не сможет проваться, через панические вопли, отрубил всех и скомандовал:

– Всем, немедленно отправится в укрытие! Вагон связи, прием!

– Слышим вас! Что случилось?!

– Передавайте: «Попали, под обстрел! Стреляют из травматика!»

Курочкин бросился к платформе. В панике, он попытался влезть наверх, по наваренной лесенке, но тут его атаковала, группа ихетуаней и отбила плечи и поясницу. Били, даже ниже пояса – по ногам и мягким тканям тазового комплекса. Почувствовав, что до лунного укрытия, они не доберется, Курочкин забился, под платформой.

Пули странным образом залетали и сюда, но полковник залез под ось и прижался к колесу. Стало немного легче.

– Так, операторы, слышите меня?

– Слышим.... Слышим.... Идет – его! Слышу!

– Что у вас?

– В укрытии мы! Сидим!

– Сидите! Охрана!

Охрана доложила, что все попрятались.

Тут Курочкина пробило холодным потом, остудив ушибленные места.

– Локомотивная бригада! Слышите меня?

– Мать, его растуды! Слышим! И – еще душу, его мать!

– Не вздумайте трогаться! Под поездом – люди!

– Кудыть трогаться?! Мать! Заглохли! Мать, его душу!

– Что у вас?

– Стекла все повыбивало! Сидим не высунуться. Мать его – в самое никуда! Заглохли, а никуда не подобраться!

– Сидите, так, пока!

Курочкин по очереди связался с мастерами и бригадирами.

Железнодорожники все сидели в укрытиях. Бригадир электриков доложил, что дела у него идут хреново. Сам он – под первой платформой, чувствует себя, как отбивная. Еще один его человек, под третьей платформой.

Бригадир монтажников сообщил, что он, как раз, под третьей платформой, рядом с кем-то. Человек – не его, потому, что подключится к нему, не может.

– Мой, это человек. Вася Гримайло. – Пояснил бригадир электриков.

Дизелисты залегли на своей платформе. Крыша у них была, только сверху, поэтому «непонятная хренотень» залетала со всех сторон.

– Теперь нашли мертвые зоны, куда не залетает. Лежим, не шевелимся. Если не шевелиться, они не стреляют. Ваших, тут – двое. Тоже, лежат, не шевелятся.

– Хорошо. – Сказал Курочкин. – Обращаюсь к тем, кто – снаружи. Попытайтесь осторожно засечь, откуда и кто стреляет. Оглядитесь по сторонам.

Бригадир электриков, под первой платформой, сразу заявил, что плевать он хотел на подобные приказы, потому, что место у него самое простреливаемое и он только-только, занял нужную нишу, где не молотит.

– Только по пяткам. Но это не страшно, подошвы – алюминиевые.

Бригадир монтажников, из-под третьей платформы, заявил, что никого не видит и ничего не просматривается. По скорости поступившего ответа, Курочкин понял, что тот, даже не пошевелился.

– Охрана, отзовитесь! – Подошел полковник, к проблеме, с другой стороны.

Отозвались все, по очереди.

– Вы чего видите?

Последовала заминка.

– Не видите ничего?! А должны видеть! Осмотреться немедленно!

Первый доклад поступил с первой платформы. Двое охранников, поочередно сообщили, что, поскольку их модуль, не полной сборки – их тут, как сельдей в бочке.

– Тут и установщики, и наладчики, и еще – кто-то. Не разберешь!

– К дверям, не подойти.

– Только – ерунда, это. Они специально, так стали, что бы мы люк не открыли.

– Точно. Сгрудились у входа. Сознательно, загораживают.

После пятиминутных переговоров, насыщенных угрозами и призывами, к гражданскому сознанию, Курочкину, удалось ликвидировать пробку, в модуле, на первой платформе.

После этого, на связь, вышел охранник, со второй платформы. Этот, четко заявил, что приказ выполнить не может.

– Они, тут, даже не сгрудились и не загораживают. Просто, побрали ключи, с кувалдами и знаками показывают, что применяют.

Курочкин заинтересовался у бригадира железнодорожников, куда тот смотрит.

– Туда и смотрю. Куда, ваш человек смотрит. Мне прямо заявили, что шлем сплющат, при попытке, разгерметизировать отсек.

Курочкин пообещал всем, на второй платформе, показать, по возвращении, кузькину мать и переключился на других.

На третьей платформе было двое его людей. Они доложили, что открыли дверь и выглядывают.

– Только не видно ничего – туман.

– Какой – туман? Откуда – туман?!

Курочкин осторожно выглянул, из-за колеса. Окружающее состав пространство, было окутано серой дымкой. Лежа под колесами поезда, в тени платформы, он не заметил, что все вокруг, тоже погрузилось в тень.

– Похоже, стрелять перестали. – Сказали охранники, с четвертой, «дизельной», платформы. – Мы, вот высунулись и – тихо. Только, не видно ничего. Затянуло.

– Только странный туман, какой-то. – Сказали с первой платформы. – На пыль похоже. Только не метет, а висит в воздухе.

– Не пыль – точно! – Сказали с локомотива. – Гадость какая-то липучая. К амуниции пристаёт. Начинаешь тереть – красит, зараза.

– Как красит?

– Красным красит. Непонятные реакции, тут.

Курочкин осторожно высунулся, из укрытия. Сразу, он выставил, наружу, филейную часть, как самую бесполезную часть организма. Ничего не колотило. Невидимые боксеры убежали.

Выбравшись, из-под платформы, полковник огляделся. Все вокруг было серо. Сверху, пробивалось солнце, но дымка была плотной и лучи светила рассеивались, не достигая земной поверхности.

– Так! Обстрел прекратился. Осторожно выходим. По одному. Один остается внутри. Один выходит.

Охранник со второй платформы заявил, что он – всего один. К, тому, же неизвестно, удастся ли пройти, через железнодорожников.

– Ладно. Сиди, пока. Остальные выходим.

– Товарищ полковник, генерал-лейтенант, который раз, вас запрашивает. – Сообщили из рефрижераторного вагона.

– Повремените, со связью. Разберусь сначала.

Растворенные в атмосфере взвеси, в самом деле, липли к одежде. Протерев рукав скафандра, Курочкин убедился, что охранник, с локомотива был прав – рукав порозовел. Решив повременить, с пылью, он стал оглядываться, по сторонам. На свежеекрашенных бортах платформ, виднелись отметины от попаданий.

– От попаданий, чего? – Озаботился Курочкин и стал приглядываться.

Отметины были приметные, некоторые с зеленоватым оттенком, некоторые были обозначены, только сбитой краской.

Приглядевшись к земле, он обнаружил, среди камней несколько пуль. Пули от удара деформировались, но, как-то странно. Одна раскололась на две половинки, две другие раскрошились в передней части. Внутри гладкого твердого корпуса, оставалось только по половине наполнителя.

– Что, это за фиговины? – Вслух поинтересовался полковник. – Никогда таких не видел.

Подходящие охранники, тоже несли, в руках, подобранные поражающие элементы.

– Кто ни будь, знает, что это, такое?! – Раздраженно спросил Курочкин.

Окружающие его подчиненные стали внимательно разглядывать выбранное по дороге, вполголоса недоумевая, что это такое, может быть.

– Я, кажется, знаю.

Курочкин, по голосу, узнал Сомова.

– Говори, если знаешь.

– Может, мне кажется.

– Говори, даже, если, кажется! – Загудели голоса в эфире.

– Желуди – это!

– Какие, к черту, желуди!

– Тоже, мне – сказанул!

– Так вы присмотритесь. Точно – желуди.

Все стали присматриваться. Вертели поражающие элементы и, так и этак.

– Желуди, едрена мать. – Наконец пришли эксперты, к единому мнению.

Курочкин вспомнил пострадавшего Иванченко и вообще призадумался.

– Что мне, теперь, генералу докладывать?! – Недоуменно сказал полковник. – Что нас, желудями, закидало?!

Кто-то сказал, после долгого раздумья:

– После того, как «бородинские», под страуса попали, могут поверить. Аномалия – как, никак.

Глава двадцать первая

Заметив перемену обстановки, к центру связи стали подтягиваться командиры подразделений, больших и мелких. Они полезли, из всех щелей, как домашние насекомые. Да, так дружно, словно площадка, у центра связи – кухня, в общаге и, там погас свет.

Генерал-лейтенант, желая растянуть, на более длительный срок, минуты своего триумфа, на связь с составами не выходил, сладострастно млея, под подобострастными взглядами. Тройку экстрасенсов пытались оттеснить, на второй план, но они, встав плечо, к плечу, удержали позиции. Белорусы, стоявшие в стороне, отошли, еще дальше.

Заслонов, при этом сказал:

– Сваливаем, а, то потопчут!

Окружение генерал-лейтенанта оживленно перебрасывалось шутками, рассказывало, друг другу, военные анекдоты и откровенно радовалось жизни.

Веселая и непринужденная обстановка, царила, до прихода генерал-майора Киваева.

Киваев пришел прямой, как палка, и, что-то нашептал, на ухо Туртушову. После этого оба ушли в ангар связи.

Однако серое облако, висящее над лесом, позволило, оставшимся, сохранить хорошее настроение. Одни, уже не стесняясь присутствия посторонних, во весь голос, обсуждали технические характеристики «спекателя». Другие спорили, какой длинны и ширины образовалась, после применения установки, просека. При этом, почти все, снисходительно поглядывали на белорусов, словно говоря:

– Ничего, братки белорусы, вот – мы приехали, и жизнь у вас, теперь наладится.

В палатке связи, Туртушов, хмуря лоб, ткнул пальцем в Киваева:

– Говори, по человечески, что – там? Какая, такая – ситуация?

– Нападение, на ремонтный поезд! Моих людей обстреляли. Есть раненые.

– Обстреляли, где?

– В лесу. На железнодорожном полотне, во время проведения работ.

Туртушов, недоуменно уставился, на Киваева.

– Что – за чушь? Какой обстрел?! Откуда?

– Похоже – из зарослей! Но Лисин, точно не смог определить....

– Какой, еще – Лисин?! – Спросил Туртушов.

Тут он обратил внимание, что в ангаре, очень тихо. Причем, тишина – подозрительно зловещая.

– Капитан Лисин – начальник ремонтного состава! – Воскликнул Киваев, бросаясь к одному, из связистов. – Соедините с ремонтным поездом.

– Включите громкую связь! – Хмуря брови, приказал Туртушов.

– Лисин, слышишь меня? – Спросил Киваев.

– Слышу! Отчетливо!

– Что, там – у вас?

– Массированный обстрел прекратился. Стреляют одиночными. Люди в укрытии!

– Что вы несете? Какой – обстрел?! – Встрял Туртушов. – Разберитесь. Может, это, снова – газовые выбросы!

– Обстрел всесторонний! Теперь дымовую завесу ставят! Наверно, будут атаковать!

– Можно связаться с, кем-то, еще?! – Раздраженно спросил генерал-лейтенант.

– Дайте локомотивную бригаду. – Сказал Киваев, связисту.

На весь ангар, разнесся семиэтажный мат локомотивной бригады.

– Говорит генерал Киваев. Локомотивная бригада, слышите меня?

– Слышим! Так – растак!

- Что у вас?
 - Раздолбало все! Идит – растуды! Головы поднять не можем.
 - Стреляют?
 - Желуди летят! Их, маму!
 - Какие, еще – желуди?
 - Похоже – бронебойные. Всю кабину, желудями завалило.
- Киваев, вопросительно взглянул, на Туртушова.
- С места, тронуться можете?
 - Куда трогаться? Все под колесами лежат!
 - Что, сейчас, происходит?
 - Сидим, ховаемся. Пудра с неба, стала сыпаться.
 - Что стало сыпаться?
 - Пудра серая, сыпется.... Стрелять, правда, реже стало. Но, если голову высунешь – летит.
 - Кто там есть, еще, из ответственных товарищей? – Спросил Туртушов.
 - Мастер ремонтной бригады Александрович....
 - Товарищ генерал-лейтенант! – Поднял голову еще один связист. – Полковник Курочкин доложил, что головной состав обстреляли, из травматического оружия!
- Туртушов, удивленно посмотрел на говорившего и сказал:
- Давайте, его.
 - С ним, пока связи нет. Он переключился.
 - С кем есть?
 - С марсианским модулем.
 - Давайте, модуль!
 - Слушаем, вас, товарищ генерал-лейтенант!
 - Кто говорит?
 - Лейтенант Чулков!
 - Что, у вас, происходит!
 - Судя по переговорам, попали, под обстрел! Нам, тут ничего не слышно, что – снаружи.
- Но люди в панике. Кричат!
- Что кричат?
 - Всякое, кричат. Больше, нецензурными словами.
 - Курочкина, давайте.
 - Его, как раз не можем. Он, пока переключился.... Переговаривается. Слышать, мы его слышим, но, пока он сам на связь не выйдет, сказать ничего не можем.
 - Что он говорит?
 - Опрашивает личный состав. Кто, где и – как!
 - Ясно. Не отключайтесь.
- Генерал хлопнул по плечу первого связиста:
- Дайте ремонтный поезд. Мастера этого.... Как – его?
- Связист нажал клавишу.
- Слушаю! Слушает, Александрович! Отлезь, гад! Это, я – не вам! Куда, ты сунешься?!
- Это, я – не вам!
- Что происходит? Можете объяснить?
 - Не могу! Бомбардировка происходит. Это все, что знаю! Лежим, теперь. Не видно ничего! Пыль кругом. Морды нам залепило – не ототрешь! Куды, ты прешь? Это, я – не вам! Мама родная! Это, чего такое делается?!
 - Что, там, еще – у вас?! – Не скрывая раздражения, спросил Туртушов.
 - Так, рукав, мне оторвали. – Растеряно, сказал мастер Александрович.

После этих, его слов, связь прервалась.

– Прием! Прием! Александрович, прием! – Прокричал связист в микрофон.

Потом, он пощелкал, по клавишам, и сказал:

– Не отвечает Александрович.

– Лисина, давайте!

– Лисин слушает!

– Что – у тебя!

– У меня куриная слепота!

– Выражайтесь яснее!

– Не видим ничего! Стекла, нам, залепило. Стрелять перестало. Народ вылезит, потихоньку. Только слепые все, как котята. Только тени, перед глазами. О! Упал кто-то! Прямо с откоса... Слышишь меня! Лезь обратно! А, черт! Минутку, товарищ генерал!

– Доставайте упавшего. До связи.

– Дайте модуль. – Обратился Туртушов ко второму связисту.

– Модуль, что – у вас?

– У нас, все живы, судя по переговорам. Только локомотив заглох.

– Передайте, Курочкину, что, с нетерпением, желаю с ним пообщаться.

– Слушаюсь!

Туртушов взял Киваева, за рукав и отвел в сторонку. Там, он долго молчал, теребя рукав, собеседника. Наконец, спросил:

– Что думаешь?

– Даже не знаю, что, и, думать. – Ответил Киваев, тихо.

Туртушов огляделся. Те связисты, что сидели в наушниках, удивленно моргали, слушая переговоры поездных бригад. Остальной технический персонал, молча, завидовал им, черной завистью.

Туртушов встряхнулся и ткнул пальцем, в первого попавшегося:

– Так! Вы! Вы, вы. Полковника Казаченко – сюда.

Вошел полковник Казаченко, бодрый и подтянутый.

– Максим, давай сюда... Давай – Смирнова и Калабалина. Только, без шума.

Казаченко, понимающе кивнул и, сделав равнодушное лицо, вышел.

– Товарищ генерал-лейтенант, Курочкин – на связи!

– Пусть ждет.

Когда в ангар вошли Калабалин и Смирнов, Туртушов подошел к связистам.

– Давайте, Курочкина.

– Полковник Курочкин – на связи!

– Знаю. Что – у тебя?

– Форс-мажор!

– Говори конкретно! Не паясничай!

– Подверглись обстрелу. Сразу было, похоже, что стреляют, из травматике. Потом, когда обстрел прекратился, стали разбираться, оказалось – желудями закидало.

– Когда это произошло? После включения установки?

– Так она не включилась. Не работает она.

Генерал Смирнов, не сдерживаясь, произнес подходящих, к ситуации заковыристых выражений. У Туртушова остановился взгляд.

– Как не включилась?! Даже, отсюда, дым виден...

– Это – не дым. Это непонятно, что, такое. Пыль серая. Летает.

Наступило молчание.

– Почему установка не включилась? По каким причинам? – Взял слово Калабалин, видя, что генерал-лейтенант находится в ступоре.

– Причин не знаю. Специалисты разобраться не могут. Час разбирались. Она, за это время, совсем потухла. Хотели в ручном режиме, а тут – налетело!

– Пострадавших много? – Спросил Калабалин.

– Человек пять. Большинство, в момент атаки, находились в укрытиях. Ушибы – у всех. У некоторых – сильные.

– Жди! – Сказал полковник.

Повернувшись к остальным, он спросил:

– Что происходит?

– Вот, то, и происходит! – Глухо сказал Туртушов.

– С ремонтным поездом, ситуация – аналогичная. – Добавил Киваев.

– Дайте ремонтный поезд. – Обратился Калабалин, к связистам.

– Кого?

– А кто, там, есть?

– Капитан Лисин.

– Давайте.

– Лисин слушает. – Голос капитана, звучал устало.

– Калабалин говорит. Что – у тебя.

– У меня – полный. ... Трое скафандры порвали и вырубались. Еще двоих в лес утащило.

– Кто утащил?

– Не – кто, а – что! Лианы, какие-то, зацепили и уволокли.

– Как – это!

– За ноги, вроде, заплели и утащили.

– Почему – «вроде»?

– Так не видно ничего. Мало, того, что – пыль, так стекла залепило, вдобавок.

– Протирать не пробовали? – Раздраженно спросил Калабалин.

– Пробовали. Один потер – стекло протер, до дырки. ... Сейчас лежит, на обочине.

Дышит, но не реагирует. Теперь, не протираем, залезли на платформы и сидим. Ждем.

– Ждете, чего? – Встрял, в разговор, Смирнов.

– Того, и ждем. – Обреченно сказал Лисин. – Чего еще остается?! Вот, на скафандр, свой смотрю – проплешины появляются. Словно его моль точит.

– А, если – по шпалам? Может, выйдете? – Спросил Калабалин.

– Похватает. – Грустно сказал Лисин. – В лес утащит, а, что, там – неизвестно. Может, совсем задушит. О! О, завалился кто-то! Кто – это? Мичиганов? Пристройте его поудобнее. Вот, только, что, еще один выбыл.

– Попробуйте, решить, что делать! – Сказал Калабалин. – Не сидеть, же, и ждать, в самом деле! Посоветайтесь. Может, кто захочет рискнуть!

– Хорошо – советуемся.

– Пока – отбой. – Сказал полковник и выпрямился.

– Это, что получается? – Выдохнул Туртушов. – Установка не сработала. Это – как?

Калабалин и Смирнов пожали плечами.

– Надо решать, что делать! Что делать, в первую очередь?! – Спросил генерал-лейтенант, и сам ответил:

– В первую очередь, надо эвакуировать секретное оборудование.

Калабалин, хотел добавить, что во вторую очередь, надо эвакуировать людей, но, заметив, что глаза у генерал-лейтенанта остекленели, промолчал.

– Как эвакуировать оборудование?! Кто хочет высказаться? – По прежнему, глядя в никуда, спросил Туртушов.

– Может прицепить к вертолету? – Почесал переносицу Смирнов. – С большой высоты.

– Накрылись вертолеты. – Сказал Калабалин.

– Как? Почему мне не доложили? – Тихо спросил Туртушов.

– Я не успел. – Сказал полковник. – Только час назад мне доложил старший техник, что топливные системы вышли из строя. Он ходил, к белорусским летчикам посоветоваться, так те сказали, что после такого снижения, всю электронику, тоже, менять надо.

– А, что они не уехали? – Спросил Туртушов.

– Здесь они. В лагере наблюдателей. Отдыхают.

– Отдыхают, отдыхают. – Задумчиво, постучал пальцем, по столу руководитель операции, вопросительно глядя, на Смирнова.

Ему хотелось спросить, где пакет, с инструкциями, который он должен был передать российским экипажам, но промолчал. Вместо этого он спросил:

– А, эти, что кабель вчера тянули, не возьмутся? Они в лес ходили. Перемещались, там. Деньги, мы им перевели, в конце, концов.

Киваев отнесся, к поставленному вопросу, равнодушно, а Смирнов и Калабалин задумались. Если, Калабалин задумался серьезно, то Смирнов, больше, для виду. Сделав серьезное лицо, генерал-майор ждал, что скажет полковник.

Наконец, Калабалин принял решение.

– Можно попробовать. – Сказал он. – Это, пока – единственный выход.

– Смирнов, свяжись, с ними. – Сказал Калабалин.

– Я – со своего телефона. – Сказал Смирнов и вышел.

– Что, еще можно сделать своими силами? – Спросил Туртушов у Калабалина.

– Нужно попытаться эвакуировать людей. – Твердо сказал Калабалин. – Только, как?

– Казаченко, давай сюда Незнанского. – Кивнул, своему порученцу генерал-лейтенант.

Предчувствуя подвох, Незнанский, вошел в ангар, гордо подняв голову.

– Так, Алексей Олегович! – Проникновенно сказал Туртушов. – Возникли непредвиденные обстоятельства.

Незнанский вытаращил глаза. До этого, Туртушов, говорил, с ним, только глядя, поверх головы.

– Все! Приплыли! – Подумал он. – Что-то, где-то, полыхает, синим пламенем.

Туртушов стал сумбурно объяснять ситуацию. С его слов, Незнанский понял, что «Аст-рорплазма», не сработала, локомотив, там, сломался, а ремонтный поезд не может выехать, потому, что все легли на рельсы.

От этих разговоров, глаза у Незнанского, еще сильнее вылезли, из орбит и он посмотрел, по сторонам, надеясь, что, здесь найдется толковый человек, который сможет объяснить, все, вразумительно.

Понимая его состояние, Калабалин попросил соединить, его, с «ударниками».

– Курочкин, как слышишь?

– Слышу, вас, хорошо!

– Что, сейчас, происходит?

– Все – по-прежнему. Пытаемся завести локомотив. Только, там, похоже, все погорело. Железная глыба – а, не локомотив.

– Что – с установкой?

– Глухов разбирается.

– Что делает?

– Ничего не делает. Стоит, уставился.

– Дай, нам его. – Сказал Калабалин и поманил, к себе, Незнанского.

– Глухов, на связи!

– Это – Незнанский. Что – у тебя?

– А ничего. Как приехали – загнутила. Дальше – больше. Напряжение падать начало. Словно в землю уходило. Потом совсем вырубилась.

– Она, же, для экстремальных условий приспособлена.
– То-то, и – оно! Самое главное металлические части ржавчиной покрылись.
– Этого, не может быть! – Воскликнул Незнанский. – Там, же – сплавы! Там – провода платиновые!

– Ага, знаю. Только ржавеет, на глазах, и – все!

– Как, такое может быть?

– Это, мне, неизвестно.

Незнанский стал ожесточенно тереть лоб.

Слово взял Калабалин:

– Курочкин, слышишь, меня. – Спросил он и, когда полковник отозвался, решительно сказал:

– Доложи о потерях!

– Потерь нет, только побитые.

– Побитые – не в счет. Значит, сделаем так. Проведи опрос, среди личного состава. Пусть решают – кто остается и ждет помощи, а, кто, пешим порядком, выбирается сам. Понял? Молодец! Те, кто решит выходить самостоятельно, пусть идут по колее, строго придерживаясь середины. Понял? Отлично! Когда решишь этот вопрос, доложишь.

Калабалин взглянул на Туртушова. Взгляд, у того, был уже осмысленный.

– Нужно произвести регонсценировку, на местах. – Сказал генерал-лейтенант. – Везде царит паника. А, где паника, там – хаос. Чтобы принять правильное решение, нам нужен непредвзятый взгляд, со стороны. Незнанский, я тебя, вызывал, по этому поводу. Иди, готовь свои аппараты.

– Рисуем. – Сказал Незнанский, но особой отстраненности, в его голосе не было.

По глазам, было видно, что идея, чем-то ему понравилась.

– Ничего. Машины не люди. Не подведут. Проверь, на месте. Приведи в рабочее состояние и будь готов. – Распорядился Туртушов.

– Слушаюсь!

Когда Незнанский вышел, вошел Бородин.

– Прибыли лесники. Стали на краю лагеря, возле насыпи. Наблюдатели повылазили, тоже.

– Лесников, кто вызвал? – Спросил Туртушов.

Присутствующие пожали плечами. Бородин сказал:

– Я думал – вы.

– Приехали, пусть стоят. – Сказал Туртушов. – Давайте решать, что с местными делать будем.

– С кем, именно? – Поинтересовался Калабалин.

– Со всеми. С гражданским, с телевидением, с наблюдателями. . . . Со Злыднем этим, наконец!

Бородин, ничего не понимая, молчал. Калабалин, думая, почесывал нос. Пока он думал, в ангар, робко вошел полковник Безлюдный.

– Разрешите?!

– Говори! – Вздыхнул Туртушов.

– У меня, человек, заболел.

– Чем заболел? Какой, еще – человек?!

– Рабочий. Пришел в нерабочее состояние. Симптомы, такие, как у тех, что из леса привезли.

– Не знаешь, что делать?! В санчасть! – Сказал Бородин.

– Просто, он в лес не ходил. . . . Прямо – посреди лагеря, это произошло. Я решил доложить.

– Позови, кого-нибудь, из лесников. У них прибор есть, для определения концентрации смесей, в атмосфере. Я тоже, сейчас приду. – Сказал Калабалин.

Когда Безлюдный ушел, Калабалин решительно сказал:

– Надо решать – что будем делать. Ситуация критическая. Сколько человек, у нас в лесу? Человек сорок?

– Сорок пять на бронепоезде. – Сказал Бородин, все, еще не въезжая в ситуацию. – Да, на ремонтном – человек двадцать, двадцать пять.

– Списать, такое количество народа, только, на местные условия, будет трудно. – Сказал Калабалин.

– А, где этот долбаный специалист, по местным условиям! – Взорвался Туртушов. – Он, почему не предупредил! Это, ведь ваш человек! Ваше ведомство его прислало!

– По вашему запросу!

– Запрос был наш, но человек – ваш!

– В экспертную группу, он, кажется, не входил. – Сухо сказал полковник. – Участия в планировании операции, тоже, не принимал. Подписи его, под документами не стоят. Ни под какими! Как, впрочем, и моя.

– Посмотрим! – Грозно сказал Туртушов.

– Посмотрим. – Согласился Калабалин. – Короче, пойду разбираться, с лагерной аномалией. Бородина забираю. Это – по его части. Полковник, за мной!

На площадке перед ангаром, народу поубавилось. Оставшиеся, курили нервно и анекдотов, больше, не рассказывали. Конкретно, никто ничего не знал, но все что-то чувствовали.

– Чего, такого произошло? – Спросил Бородин, едва поспевая, за Калабалиным.

Тот, на ходу, в сжатой форме, обрисовал суть происходящего.

– Что, теперь, будет? – Поинтересовался Бородин, растерянно.

– Будет полный кабздец! Всех участников забега снимут, с дистанции. Ты, кстати, из этого омота, по всей видимости, выйдешь, если не сухим, то, по крайней мере – отжатым.

Некоторое время, они шли молча, потом Бородин сказал:

– Тут, вот, какое дело... Девушка, что, с телевизионщиками белорусскими приехала...

– Симпатичная?

– Не нравится мне она. С лица, хоть воду пей, а глаза холодные.

Бывает. – Пожал плечами Калабалин.

– Глаза – холодные, и смотрит, так, словно прицеливается. Что-то, здесь – не то. Непростая это – девушка.

– Может, показалось? – Спросил Калабалин.

– Может, и показалось. А, может, и нет.

– Ладно, присмотрюсь, к ней, на досуге.

Когда полковники завернули, за штабной состав, стала видна собравшаяся к месту происшествия, толпа, «оранжевых жилетов». Когда рабочие расступились, перед начальством, стало видно, что в центре, над павшим телом стоят полковник Безлюдный, генерал Сироткин и человек, в форме иностранного образца, с погонами лейтенанта. Лейтенанту было лет сорок пять. Он безмятежно курил, глядя на плывущие по небу кучевые облака.

– Что – здесь? – Спросил Калабалин, с ходу.

– Вот! – Сказал Безлюдный, указывая на лежащего.

– Что скажете? – обратился Калабалин, к человеку с дубовыми листьями, на петлицах.

– Атмосфера – в норме. Вредных взвесей не обнаружено.

– Но, что-то вызвало, такое состояние?! Должна быть, какая-то причина? – Настаивал Калабалин.

– К участковому обратитесь. Наверно, это – по его части.

– Гриша, там возле ангара – капитан милиции...

- Сейчас! – Ответил Бородин и стал связываться, со своими грузчиками, по рации.
- Идет. – Сообщил он, через какое-то время.

Пока ждали капитана, прибывшие санитары переложили пострадавшего, на носилки. По поводу состояния, последнего, окружающими, было высказано много предположений. В конце концов, общественный консилиум решил, что ничего страшного нет, возможно, это просто, от свежего воздуха.

Капитан неспешно вошел в круг и, приветливо кивнув леснику, спросил:

- Кто меня спрашивал?
- Вот! – Кивнул на неподвижное тело, Калабалин. – Мне сказали, что вы, возможно, сможете прояснить ситуацию.

Участковый, устало вздохнул и спросил:

- Как зовут потерпевшего?
- Гоша. – Сказали, из толпы.
- Гоша, он, и есть – Гоша! Вижу, что не Куценко. Правильную фамилию скажите.
- Мосальский.
- Так. Сейчас глянем. – Участковый открыл папку и взглянул, на верхний лист.

– Есть Мосальский. Взял у Раисы Петровны, в долг, десять бутылок водки. Обещал, в течение дня вернуть, а прошло, уже три.

- И – что? – Спросил Калабалин.
- И – ничего! Обманул доверие человека. Вот – результат!
- Из-за десяти бутылок – такое?! – Ахнули «оранжевые жилеты».
- Не в водке дело. А, в обманутом доверии. – Спокойно сказал капитан.
- Это, что – она сглазила его? – Весело спросил Калабалин, хотя глаза, у него, были невеселые.

– Что за мракобесие? У нас, не глядят. У нас личные настроения, индивидуумов, сказываются, на состоянии собственного организма. Собственные настроения, его подвели. Он долг, не, то, что возратить не мог, а, даже не собирался. У нас – коллекторов нет. Если, в долг берут, отдают, когда могут. Но если берут – твердо намереваются отдавать. Я знаю, некоторые пятерку, взятую «до завтра», через три года отдавали, и – ничего! Потому, что помнили – отдать надо. А, этот, значит, не собирался.

– Что, теперь, с ним будет? – Поинтересовался Калабалин.

– Врачи разберутся. Это, уже, не по моей части. Если, кто в лес отправится, то, тогда приму заявление.

– А, что, такое возможно?

– Навскидку, не определишь. Здесь, многое, от движения воздушных масс, зависит. Ну, еще, от того, насколько обиженному человеку, в душу запахло. Бывает, на первый взгляд – незначительный проступок, а человеку, в душу западет и – аминь!

– У, вас, там, что – целый список? – Спросил Калабалин задумчиво. – Можно ознакомиться?

– Нельзя. – Твердо сказал капитан. – Для начала, запрос пошлите, на имя старшего инспектора, майора Одинокова. Там видно будет.

– Понимаете, дело в том, что хотелось бы знать, кого можно привлекать к работам, на высоте, а, кого нет. Во избежание травматизма.

– Извините, не подумал. – Спыхватился Марченко. – Наши сами, знают, что напортачили и никуда не лезут. Сядут на покуци и ждут прихода. А, ваши, в самом деле, могут навернуться!

– Елки палки! Что, это – я! Совсем соображать перестал. – Крутил головой участковый.

– Сейчас буду оглашать список! – сказал капитан, громко. – Кого назову – в сторону.

– Откуда, у вас фамилии? – подлетел, к нему, генерал Сироткин, до этого нервно прохаживавшийся в стороне.

– У них бирка – у каждого. – Сказал участковый. – У кого не было, тех будем определять по фотороботу. Или проводить опознание.

Сироткин отскочил, с оскорбленным видом и снова стал отрешенно прохаживаться, неподалеку.

– Молчанов. Есть такой?

– Есть Молчанов.... Выходи, чего стоишь?!

Невысокого, коренастого мужичонку вытолкнули из толпы.

– Становись в сторону. – Сказал участковый.

– Куда?

– На свободное пространство.

– Где помягче становись! Ложись, сразу! – Раздались веселые голоса.

Мужичонка, отошел в сторону и стал переминаясь, с ноги, на ногу.

– Дорофеев?!

– Выходи, Дорофеев. Сглазили тебя!

Дорофеев, шмыгая носом, отправился к Молчанову.

– Пушин!

– Пушин, вперед!

– Сабанский.... Перфильев.... Черменинов.... Пахомов.

Названные, участковым, по таинственному списку, кандидаты в каматозники, собравшись вместе, приободрились и стали весело поглядывать по сторонам.

В сторону «великолепной семерки», летели шутки и ободряющие выкрики товарищей.

– Так! – Сказал участковый, глядя в список. – Теперь, перейдем, к словесным описаниям.

У вас, есть невысокий, чернявый, красномордый Иван.

– У нас – половина красномордые! На солнце работаем!

– Короче, кто, вчера кричал восьмидесятилетней Анне Андреевне и восьмидесятитрехлетней Елизавете Федоровне: «Девки – в кучу!», и многое другое?

– Есть у нас, такой ходок! Иван Сергеевич, на выход! – Прошел шум, по толпе.

Из толпы вышел щуплый очкарик, с поникшим взглядом и, шаркая ногами, отправился в кучку правонарушителей.

Участковый продолжил:

– Высокий, толстомордый, наглый. Товарищи зовут «Петровичем». Пнул ногой велосипед и обещал подросткам «Задать». Еще: «Стоят, тут! Сельпо сраное! Нормальным людям проходу нет». Общая характеристика – «наглый мордovorot».

– А чего они стали, посереде дороги?! И, кто, такое, про меня сказал? – Распихивая толпу, вышел вперед «Петрович». – У меня, свое начальство есть! Понял! Раскомандовался, тут.

Сказав это, «наглый мордovorot» остался на месте и стал горделиво оглядываться.

– Петрович, чего стал? Давай – к нам! – Загудело штрафное отделение. – Легкий труд, пропишут.

Петрович, с вызовом, глядя на участкового, перешел к «залетным».

Марченко, глядя ему вслед, негромко чихнул.

– Ну – вот! – Сказал капитан, прикладывая к носу платок. – Остальные, пускай подумают. На всякий случай. Может, кто, где оступился и другое, прочее....

«Оранжевые жилеты» притихли.

– У меня, к вам, есть еще один вопрос. – Сказал Калабалин. – Наш сотрудник, находится, где-то в Погорельцах, или Молочаевке. Нельзя ли его разыскать?

– Кто – такой?

– Ломако Иван Семенович.

– Консультант?

– Консультант. – Процедил, сквозь зубы, Калабалин.

– Разыскать, не могу. Мне, его, разыскивать не за, что. А, передать могу, что вы его ищите. Подойдет?

– Подойдет. – Сказал Калабалин.

Полковник Курочкин понимал, что дело он завалил, однако не терял присутствия духа.

– В конце, концов, установка не по моему профилю. – Думал он. – До места, поезд, я довел, остальное – не моя забота!

Следуя указаниям Калабалина, он начал опрос личного состава, предлагая выбор – сидеть и ждать, пока за ними приедут или идти в распоряжение своим ходом. Операторам установки, он такого предложения не делал, а приказал заступить на пост, по охране, особо секретного оборудования. Их руководителю, майору Глухову, предложение, об эвакуации, поступило, но тот сам отказался.

– Останусь тут! – Твердо сказал майор. – Иначе, мой уход расценят, как дезертирство. Тогда, точно, до пенсии, буду топором, просеки прокладывать, на строительстве космодрома «Дальневосточный». А, Семенова, своего отправлю, с докладом.

– Как соберется – к локомотиву! – Сказал Курочкин.

Рабочая команда, в составе четырех человек, с первой платформы, решила, что делать им тут все равно нечего.

– К тому, же, укрытие – нараспашку. – Сказал мастер электриков. – Пойдем домой.

Вторая платформа, где в лунной секции, забаррикадировались железнодорожные рабочие, выходить отказались.

– Хлопцы говорят, что у нас, тут – герметичность! – Сообщил бригадир. – Будем ждать! Только, пусть начальство пошевеливается!

Курочкин пообещал поторопить начальство и переключился на третью платформу.

Двое наладчиков сказали, что пойдут, отсюда, куда глаза глядят. Причем, быстрым шагом.

– Мы, тут вдвоем остались. Электрики, что с нами были, к своему мастеру подались. Наверно, тоже пойдут.

Уходить, поскольку техника накрылась, решили и дизелисты.

Рефрижераторный вагон, Курочкин не опрашивал. Этим полагалось стоять, до конца.

Локомотивная бригада, проявила ответственное сознание.

– Не поедем! – Сказали они. – Может, эта пороша уймется. Приедут, нас вытаскивать – подсобим, чем можем.

В результате образовалась группа прорыва, в составе одиннадцати человек. Старшим группы, Курочкин назначил мастера электриков, с примечательной фамилией – Бугор.

Получив, на прощание, невнятный инструктаж, который призывал «не разевать рот» и «смотреть под ноги», группа добровольцев тронулась в путь.

В марсианском модуле поколдовали и предоставили возможность всем участникам движения, общаться между собой и напрямую, с Курочкиным.

Впрочем, сознавая ответственность, члены группы, сохраняли молчание в эфире, ограничиваясь, в случае острой нужды, междометиями.

– Как идет продвижение? – Запрашивали, у Курочкина, из Центра Управления.

– Как дела? – В свою очередь, интересовался полковник, у старшего, группы.

– Нормально! Идем потиху. – Отвечал Бугор.

– Что видите?

– Туман видим. Больше ничего. Туман, теперь, больше, по земле стелется, а по бокам серо. Сверху, даже солнышко проглядывает.

Метров, через сто, пути, Бугор не сдерживаясь, ругнулся.

– Что – вас? – Незамедлительно отреагировал Курочкин.

- Да, тут, словно ураган прошел. Веток наломало.
- Каких – веток?
- Не знаю. Всяких. Путаются, под ногами. Идти мешают.
- Что сильно наломало? Непреодолимая преграда?
- Преграда преодолимая. Только путаются, заразы.
- Вскоре, Бугор сказал:
- Ого!
- Что – у вас? – Поинтересовался Курочкин.
- Висит, кто-то!
- Как висит?
- Обыкновенно висит – подвешено. Только, на чем, не понять, пока.
- Доступнее излагайте. Это, что – висельник? Самоубийца?
- Я, же говорю – непонятно висит. Ближе подойдем, разберемся. Чертовы ветки, под ногами путаются!
- Братцы, это, же – колдунья!
- Она – точно! Смотри, как повисла!
- Специально, наверно! Дорогу охраняет....
- Не засоряйте эфир! – Прикрикнул Курочкин. – Бугор докладывай!
- Все, так, оно, и есть – висит наша баба, над дорогой.
- Что – за баба? В конце, концов!
- Та, что с барабаном ехала....
- Шаманка Мара?
- Как звать не знаю, но – она!
- Объясните толком. Как висит? На чем висит?
- Докладываю подробно. Баба, которая – шаманка, висит над дорогой, на «тарзанке». Живая. Потому, что смотрит. Глаза открыты и моргает. Барабан – при ней. Во второй руке – палка ударная. Висит прилично, потому, что, под платьем, у нее трико. Не говорит ничего. Слышать мы ее, конечно не слышим. Но видим! Рот не открывается. Вот – чертовы ветки!
- Откуда, там – «тарзанка»?
- Да не «тарзанка» – это! Это, я, так – для образности. На лианах она повисла....
- Это – как? На, каких, таких – лианах?!
- Ну, как сказать....
- Бугор, меня повязало! – Перебил руководителя удивленный голос.
- Чего?
- Откуда я знаю – чего! Ноги повязало!
- И мне... И, мне!
- Мужики, заплетает!
- Заплетаем! Заплело уже!
- Что – там, Бугор? – Тревожно спросил Курочкин.
- Попутало нас!
- Чем?
- Ветками, что – на путях! Ах, ты – едрена корень!
- Что – такое?
- Повалился я! Да все мы повалялись!
- Мужики, хана – нам! Бугор, ты куда завел!
- В эфире воцарился настоящий хаос. Одиннадцать мужских голосов, проклинали растительность, которая, опутав ноги, остановила их продвижение к спасительной опушке. Мужчины нехорошо ругались, проклинали судьбу, начальство и все космическую отрасль, в целом.
- Мужики, меня дальше заплетает.... И меня.... И меня....

– Бугор, что – там? – Кричал Курочкин.

– Ой, боже, родный! Ой, мамочки! Повалило! Теперь вяжет, по рукам и ногам! – Докричался до Курочкина, Бугор. – Теперь, ясно видно – не ветки, это! Это вьюны, непонятные! Ага! Вот, оно – что!

– Что?

– Теперь, с боков, толстые жгуты поползли! Точно, такие, на которых баба висит! Ее, тут нарочно повесили.... На ходу не хватает, наверно.... Мы стали, вылупились, а оно, вот, как – оно!

Все утро, Иван Семенович провел в галерее. За четыре часа, из иностранцев, в его сети попались лишь две гуманитарные организации и один культурный фонд.

От «Фонда глобального озеленения планеты», заявили три настырные феминистки и долго торговались, как базарные торговки.

– Неужели, вы женщинам, не уступите? – Спросила одна, в конце, концов.

– Равноправие, так – равноправие! – Отрезал Иван Семенович. – Больше, чем с мужиков, я, с вас, не беру.

Вторым был, мутной наружности, представитель «Группы содействия оздоровлению репрессированных граждан имени Башара Ассада». Это был представитель мужского пола. Вел он себя спокойно и с деньгами расстался без сожаления. Казалось, лекарь репрессированных, даже, рад был избавиться от денег.

Трое представителей гуманитарной организации «Беженцы без границ», два молодых парня и неопределенного возраста женщина, наоборот – вели себя шумно и весело, они искренне радовались возможности разоблачить и заклеить позором белорусские власти, которые, не то что, не платили пособие нелегалам, а сразу отправляли тех за решетку.

Последним приехал режиссер экстрасенсов Могильный. С ним, Ломако торговался долго. Дольше, чем с феминистками. Могильный упирался, что было сил, предлагая взамен денег участие в трех передачах и, последующую, всемирную славу. Ломако настаивал на материальном вознаграждении, объясняя, режиссеру, что известность идет вразрез с его статусом секретного агента. Последним аргументом в споре, послужила увесистая пачка валюты, которую консультант, как бы невзначай, переложил из одного кармана, в другой. Этим он продемонстрировал, что в деньгах, на данный момент, не нуждается и уступать, не намерен.

Оценив, увесистый аргумент, Могильный облизал пересохшие губы и раскошелился.

После этого, Иван Семенович просветил руководителя проекта, относительно хитросплетений Молочаевской аномалии и поставил в известность, относительно загадочного исчезновения ассистента Брыкало.

– А, какие факторы, в этом исчезновении сильнее задействованы? – Уточнил Могильный. – Космические или паронормальные?

– Оба фактора – разом! – Уверенно сказал Ломако.

– Такое трудно представить....

– Трудно, но можно. Действуйте, по двум направлениям, разом. Не ошибетесь.

– Это как?

– Половину своих людей нацельте на космос, а другую половину – на ненормальное. Прекрасная битва получится!

Избавившись, от Могильного, Ломако решил, что пить в одиночку, стало утомительно. Душа требовала общения.

– Поеду, съезжу, к тунеядцам. – Решил он. – Заодно, узнаю последние новости.

Заехав в магазин, он велел водителю отвезти его, по известному адресу.

Когда тот остановится у проема, в знакомом заборе, Иван Семенович поставил перед Феликсом задачу:

– Стань в сторонку. К забору. Чтобы, в глаза, не бросаться. Сколько меня не будет – не знаю, но выспаться сможешь. Я, тут, разберусь с делами.... Потом будем действовать, по обстоятельствам.

Ивану Семеновичу, в доме инвалидов были рады. Его без лишних вопросов усадили за стол и предложили жареного ямса, с колбасой. На стол водрузили бутылку местного напитка.

– Сочувствующие подогнали! – Подмигнул, при этом Румын.

Абдула не дожидаясь, особого приглашения, наполнил стаканы.

Завязался душевный разговор. Впрочем, не очень продолжительный. Поскольку, Иван Семенович, налегал больше на питье, чем на закуску, разговор, в самом увлекательном месте, был прерван глухим стуком. Это голова консультанта упала на стол.

– Куда положим? – Поинтересовался Абдула, у Румына.

– Волоки, ко мне, на раскладушку. – Решил тот. – Может, зайдет, посетитель, а тут наводчик, на печи лежит.

Пока консультант отдыхал в боковой комнате, тунейдцы успели снять обильный урожай с гуманитариев.

Поэтому, когда Иван Семенович проснулся, то обнаружил что лежит в комнате, заваленной продуктами. Напряженно размышляя, как он мог, оказался на продовольственном складе, да еще заснуть при этом, он долго скрипел раскладушкой. Только, когда на скрип, в комнату зашел Румын, все стало на свои места.

– Устаю очень. – Пояснил, внезапный провал в сознании, консультант. – Ни днем, ни ночью, покоя нет.

– Понятно, без слов. – Сказал тунейдец. – Стол накрыт. Будем ставить тебя на ноги.

После второй, в кармане у Румына, зазвенел телефон.

– Руководство звонит. – Сказал он с серьезным видом.

Встав из-за стола, руководитель ячейки долго разговаривал, с неизвестным собеседником. Впрочем, разговором, это было назвать трудно. Румын больше слушал, вставляя уместные «понимаю», «слушаюсь» и «так, точно».

– Смотри-ка, а них и, правда, все на военный лад построено. – Думал Иван Семенович, тщетно пытаясь вникнуть, в суть беседы.

Окончив разговор, Румын спрятал телефон в карман и, подсев к столу, озабочено покачал головой.

– Да – дела! – Сказал он, при этом. – Пошло, поехало – не остановишь.

– Что пошло? Чего поехало? – Спросил Ломако.

– Бронепоезд, ваш, в лес пошел. За ним, еще один состав поехал. Как наши медики справятся, не представляю. Может, придется санитарную авиацию вызывать.

– Зачем?

– Как – «зачем»? Столько народу, сегодня поляжет! Говорят, на бронепоезде, только сорок человек!

– Поляжет? Почему – поляжет?

– Как – потому! Кто, же, с плазменной установкой в лес ездит. Ваши «чмошники», с топорами, зашли и – капут! А, тут целая установка! Наливай, Абдула! Выпьем, за павших.

– Почему – «за павших»? – Тревожно блестя глазами, ерзал, на табурете, Иван Семенович.

– Так, не вернется никто! – Пояснил Румын. – Все в лесу останутся. Ну – давайте!

Иван Семенович, выпил, чисто машинально, чувствуя, что тяга к спиртному, в организме отсутствует.

– Тебя, кстати, уже, ищут. – Сказал Румын, закусывая.

– Ищут?! Кто ищет?

– Ваши, разумеется. Нашим, ты без надобности. Пока. Участкового местного попросили, тебя, в розыск объявить. Зачем – спрашиваешь? Чтобы спросить, почему не проконсультировал, как полагается, наверно. . . .

Румын говорил, все это безучастно, без единой нотки сочувствия, в голосе.

– Конечно, начальство, с тобой не советовалось, когда в лес секретную установку отправляло. – Продолжил он рассуждать, вслух. – Но теперь, когда большая лажа вышла, генералам, нужно ответственных искать. А, раз тебя, в розыск объявили – ты, за все, отвечать будешь.

– Почему – я? – Тревожась, все сильнее, спросил консультант.

– А – кто? – поинтересовался Румын. – Ты сам подумай, кто – кроме тебя?

Ломако погрузился в тягостные раздумья. Думал долго.

– А откуда известно, что никто не вернется? Ты, откуда знаешь?

– Позвонили, мне! Сказали – серая метелица метет, по лесу. Вашим, значит – крышка! Абдула, наливай! Видишь – горе, у человека!

Выпив, Иван Семенович долго и напряженно думал.

– Что, теперь делать? – Спросил он, окончив мыслительный процесс, который не привел ни к каким результатам.

– Этого, я сказать не могу. Это, тебе самому решать придется. Мне было сказано, предложить, тебе, укрыться на время.

– Где?!

– Пока, тут. Квартира, у нас – конспиративная. Лаборатория секретная. Самое – то, будет! Машину в сад загоним. Еще было сказано, что человек приедет, который может помочь.

– В самом деле?!

– Не сомневайся!

В ангаре связи, людей поубавилось. Всех лишних, по совету генерала Смирнова, отсюда убрали. Под конвоем людей Бородина, пятерых лишних связистов отвели, на запасные пути, и заперли в «штрафной» теплушке, которая, до этого использовалась в качестве вытрезвителя. Оставшимся, на своих местах, троим, особо доверенным, специалистам космической связи, оказывал посильную помощь полковник Миронов. В вагоне связи остался только полковник Андреев и его заместитель. Лишних людей, от ангара, убрали, отправив по рабочим местам.

Внутри ангара, обстановка была нервная. Туртушова, ноги, уже не держали. Поэтому он распорядился, не вставая со стула. Распорядиться, правда, было особо нечем. Семьдесят процентов личного состава, застряло в лесу. Когда с ними выходили на связь, помещение наполнялось паническими воплями.

Группу прорыва, с ударного состава, повязало полностью. Некоторое время, они подавали признаки жизни, сообщая, что примотаны к деревьям, на откосе. Потом замолкли.

Личный состав, ремонтного поезда, получая отрывистую информацию, о происходящем был в курсе неудачи, постигшей отступающих. Поэтому капитан Лисин заявил, что его люди идти домой отказываются и требуют прибытия белорусских лесников.

– Двенадцать человек, еще в строю! – Нервно, кричал он. – У «джедаев» телега есть! Пусть вывозят! Мы недалеко отъехали, от края!

– Ждите прибытия наших транспортных средств. – Отвечал, на это генерал Смирнов. – Попробуем наладить эвакуацию, своими силами.

– Со своими силами, мы тут на веки останемся! – Кричали, забывая Лисина, работники ремонтного поезда.

– Что, там – у Незнанского? – Спросил Туртушов. – Скоро, он наладит свою технику? Поторопите его!

Выйдя на связь, Незнанский, в несвойственной ему, раздраженной форме доложил, что отправка вспомогательной техники в лес, затягивается, в связи с нерасторопностью личного состава.

– Прямо наказание какое-то! Самое главное – трезвые все, а ходят как пьяные! Если поднять, что-то нужно, полчаса стоят, думают – поднимать, не поднимать....

– Сироткина – сюда! – Приказал генерал-лейтенант.

Сироткин пришел не один. С ним был полковник Безлюдный.

Туртушов учинил обоим разнос. Он даже поднялся со стула и постучал кулаком, по столу.

– А, что делать, если людей нет. – Развел руками Сироткин.

– Как – нет! – Снова постучал, по столу, Туртушов. Сколько, у вас имеется в наличии единиц личного состава?

– Шестьдесят два человека рабочей команды, остались в лагере. Из них – восемь единиц сидят и ждут прихода....

– Чего они ждут?!

– Ждут прихода, выражаясь местными терминами. А, по сути – впадения в кому.

– Шестеро, осталось. – Подсказал Безлюдный.

– Ага! Шестеро, ждущих, осталось. Двое, уже, отключились, вдобавок к начинающему.

– Вы, в своем уме? – Выкатил глаза Туртушов.

– Уже, не знаю. Только это люди, из списка местного участкового, который сказал, что время у них, идет на минуты.

Генерал-лейтенант молча открыл рот.

Сироткин, путаясь и повторяясь, стал пересказывать разговор Калабалина, с участковым. Даже связисты, сдвинув наушники, слушали его, с интересом.

– Как, такое, может быть? – Спросил Туртушов, когда он закончил.

– Этого, я не знаю. Только, что белорусы говорят, все сбывается.

– Хорошо! У вас, еще пятьдесят четыре человека – в наличии! Нужно напрячь оставшихся.

– Нужно, но невозможно. Этот гад, участковый, на прощание сказал, чтобы остальные, тоже подумали, над своим поведением. Механики, сразу, по агрегатным платформам разошлись. Забились в какие-то ниши. Непонятно, кто – где.... Рабочие, давай думать. Что надумали, не знаю, только теперь, все из рук валится! Сядут кучей, сидят, к ощущениям прислушиваются. Потом передвинут, всей кучей, груз, какой-нибудь, опять садятся. Тридцать военных железнодорожников, в виду секретности операции, мы к своим делам привлекать не можем.... К тому, же, если с ними, что не по пьянке случится, солдатские матери плешь проедят.

– С этим, все ясно! Берите людей, где угодно. Хоть сами становитесь на разгрузку. Только, чтобы, через полчаса, аппараты Незнанского были в работе!

Как, только Сироткин с Безлюдным ушли, Курочкин потребовал срочного общения с генерал-лейтенантом.

– Что у тебя?

– У меня, наладчики свалились!

– Откуда?

– С ног, свалились! Лежат, не двигаются!

– Дышат?

– Вроде дышат....

– Проверь и доложи снова.

Когда Курочкин отключился, Туртушов приказал соединить его, с Лисиним.

– Нет связи с Лисиним. – Сказали связисты. – Не отвечает.

– А, люди его?

– Так, они, через Лисина завязаны. Теперь, мы их только слушать можем.

– Слушайте. Может, что прояснится...

Минут через десять прояснилось, что Лисин выбыл, из игры.

– Говорят, скафандр, у него весь в дырках. Остальных, тоже моль точит...

– Откуда – моль, такая! Прожорливая! Там материал огнеупорный, стекловолоконистый! Его никакая моль не укусит! – Наливаясь гневом, как грозовая туча, завопил Туртушов. – Смирнов, где эти – «Лимитед»?! Нам разъяснения требуются! Они, же, кабель тянули, и – ничего!

– Обещали, к девяти... – Сказал Смирнов. – Еще два часа, осталось...

– Два часа, два часа... Калабалин где? Срочно, его сюда.

Казаченко умчался, на поиски Калабалина. Генерал-лейтенант огляделся, выискивая, на кого бы выплеснуть накопившиеся эмоции, но все были при деле. Лишних, в ангаре не было. Поэтому Туртушов хмуро застыл, на стуле, продолжая копить негатив, дальше.

Совету, Ивана Семеновича, режиссер Могильный не последовал, и делить экстрасенсов, на две группы, не стал. Камера была всего одна, и выходило, что одна половина, бродила бы, неизвестно, где без толку. Поэтому знахари и целители, ходили по Молочаевке кучей, тщетно пытаясь найти приложение своим способностям.

Местное население, на их присутствие реагировало с интересом. Только интерес был, какой-то нездоровый. Стоило им подойти к стоящим у калитки или сидящим на лавке людям, как те, сразу замолкали и смотрели, на колдунов, широко открытыми глазами.

Попытки завести разговор, ни к чему не приводили. Люди, отделялись невнятными ответами и продолжали смотреть так, словно перед ними участники клоунады. Некоторые вообще не отвечали. Просто фотографировали приезжих и уходили.

Вдобавок, ко всему чародеев сопровождала группа молодежи. Подрастающее поколение, тоже снимало, их, на телефоны, го при этом не молчало, а ехидно хихикало и отпускало замечания, типа:

– Смотри, сейчас, опять руками махать начнут!

Маленькие спрашивали у старших:

– Они, чего делают?

– Чего, чего?! Ассистента ищут!

– А, чего, его искать?! – Искрение удивлялась малышня.

– А, ну – цыц! Будете много болтать, в пионеры не примут!

От этих разговоров, настроение у колдунов портилось, со сверхзвуковой скоростью. Когда нервная система, экстрасенсов совершенно разладилась, ясновидящая, Дарья Ламанова, без подсказки режиссера остановилась, перед первым попавшимся домом и начала сеанс.

Делая руками замысловатые движения, ясновидящая стала поджимать губы и утвердительно кивать головой. Оператор Николай включил камеру. Почувствовав, что в одиночку, соучастница выглядит, не очень убедительно, к ней на помощь пришла ведунья, Авдотья Нарышкина. Теперь, они, вдвоем, сосредоточено, посылали ветер, в сторону, окрашенной в желтый цвет калитки. Семирамида Чашников и Ириада Годунова, поддерживая энергетический фон, погрузились в глубокие раздумья и стали вышагивать, по краю проезжей части.

– Так, что вы чувствуете?! – Спрашивал ведущий, он же – сопродюсер проекта.

– Здесь должна быть подсказка. Что-то, пока, очень смутное связывает это место, с пропавшим человеком. – Сказала Авдотья.

– Возможно, здесь, он провел какое-то время. – Продолжая движения руками, сказала Дарья.

Минут через пять выяснилось, что всем четверым, видится что-то неясное и очень расплывчатое. Но смутные явления обнадеживают и дают зацепку.

Потом к калитке вышла пожилая женщина и оперевшись, на нее стала, с холодным интересом, созерцать происходящее. В конце концов, она не выдержала и спросила:

– Может вам валерьянки дать или воды холодной?

– Место здесь темное. Неблагоприятное. – Заявила Нарышкина Авдотья.

– Да, что вы говорите!

– Это связано, с исчезновением человека. – Хмуря брови, сказала Ламанова Дарья.

– По-вашему, я кого-то укукошила? – Поинтересовалась местная жительница.

К разговору подключилась Семирамида.

– На него, здесь, легла тень, и он оказался в сплетении отрицательных эманаций. – Выка-тив глаза, сказала прорицательница. – Это его и повело. Только, куда предстоит, еще выяснить!

– Скажите, вы не замечали, что находитесь под воздействием неблагоприятных флюидов? Что, как бы волна неблагоприятия накатила, на ваш дом? Конфликтов, в семье, не было? – Вступила в беседу Ириада.

– Вот, тут, ты меня дочка задела. О неблагоприятии напомнила. – Вздохнула женщина, за калиткой.

Экстрасенсы заволновались, но только внутренние, внешне никто не подал виду. Мысли у всех были одинаковые:

– Так, тетку зацепило. Сейчас расколем, чего у нее случилось. А, там – дело пойдет! Другие прослышат, тоже пойдут на контакт....

– Я, вообще-то, к шарлатанам снисходительно отношусь. Но, вот сегодня, на себе почувствовала, какво людям приходится, когда вы наседаете.... – Продолжила женщина.

Она тяжело вздохнула и глянула на спящих вокруг детей.

– Вот, вы, чего – тут? – Обратилась она к ним. – А, ну – быстро в школу!

Женщина, даже похлопала в ладоши.

– Все меня слышали?!

Похоже, ее услышали все. Детвора брызнула, в разные стороны.

Экстрасенсы продолжали тайно радоваться, считая, что объект, не желает излить душу, в присутствии посторонних. По их лицам, ничего не читалось, но шеи у целителей и ясновидящих, непроизвольно вытянулись в сторону калитки.

– Скажу прямо – расстроили вы меня сильно. – Вздохнула местная жительница. – Я, вам, сейчас скажу, что-то. Только пусть оператор отойдет.

Когда оператор отошел, она помахала ему рукой:

– Еще немножко отойди. Вон туда, в сторону стань....

Экстрасенсы, тем временем приблизились к калитке.

– Вам, я, вот, что скажу. Мне ведь видно, что совестить вас – дело безнадежное. Поэтому сразу перейду к воспитательным мерам.

Женщина чихнула, достала платочек и вытерла нос; потом открыла калитку, обошла, погрузившихся в крайнюю задумчивость экстрасенсов, вместе с ведущим, и подошла к застывшему оператору.

– Слышишь меня? Если слышишь – мигни. Ага! Видишь, как я тебя правильно поставила! Что застыл – не бойся! Это, я, чтобы ты камеру не разбил. Скоро пройдет. Только, если языком начнешь болтать, присоединишься к этим двоечникам. Мигни, если понял. Камеру я возьму. Положу, вот, тут – на лавку. Отойдешь – возьмешь. И не забывай, что я, тебе, сказала!

.Глава двадцать вторая.

Туртушову ужасно хотелось алкоголических напитков, но он потребовал принести чая, с лимоном. Официант, из элитного вагона-ресторана, успел совершить три рейса, доставляя

указанный напиток, пока, от Незнанского пришло обнадеживающее сообщение, что аппараты готовы действовать.

– Давай – сюда! Если, ты на месте, не нужен. – Устало сказал Туртушов.

Незнанский заверил генерал-лейтенанта, что на месте, он, уже не нужен и сейчас придет.

От фразы «сейчас приду», Туртушова покорило. Калабалин, на поиски которого, полковник Казаченко потратил уйму времени, тоже сказал: «Сейчас приду», но от «феэсбешника», до сих пор не было ни слуху, ни духу.

Незнанский, правда, явился быстро.

– Ну, что, там – у тебя?! – Поинтересовался Туртушов.

– Готовы оба аппарата, «марсоход» и «луноход». Запускать их разом не имеет смысла.

Кого отправлять первым?

– А, который лучше?

– Оба хороши, каждый, по-своему. – Сказал Незнанский. – «Марсоход» функциональнее, а «луноход» – практичнее.

– Практичность, это, то, что сейчас нужно. – Оживленно, сказал Туртушов. – Запускаем лунный аппарат. Какие у него параметры?

– Скорость до семи километров в час. Прибамбасов меньше, чем на «Марсоходе», но имеется небольшая грузовая стрела и мощная лебедка. Если запускать в автономном режиме, запаса батарей, хватит на четыре часа полноценной работы.

– Это, нам, подходит. – Потер руки Туртушов.

– Кроме того, аппарат может транспортировать двух человек, в космических скафандрах, в сидячем положении.

– Это – совсем хорошо.

– Так, что запускаем?

– Запускаем!

Незнанский подсел, к свободному монитору и наладил связь с подчиненными.

– Елецкий, готов?

– Готов! – Отрапортовал майор Елецкий, из вагона связи.

– Отправляй!

– Мы, тут, сможем все видеть? – Спросил Туртушов.

– Конечно. В режиме реального времени.

Незнанский подключил еще один монитор и занялся настройкой изображения.

Вскоре, на экране появилась панорама леса. Панорама ходила ходуном и подсакивала. Когда Незнанский включил звук, стало слышно жужжание механизмов и стук железных колес лунохода «Муромец».

– Камера одна? – Поинтересовался генерал-лейтенант.

– Камер – четыре! – Радостно сказал Незнанский. – Одна дальнего вида, вторая ближнего, еще есть заднего вида и запасная. Сейчас включу ближнюю.

Незнанский включил еще один монитор, и вскоре на нем появилось изображение выщербленной «бетонки», вдоль которой полз луноход.

Это изображение уже не скакало, так сильно и можно было разглядеть детали. Все кто мог, с интересом, разглядывали ямки и трещины, на дороге. А, еще разнообразные растения вдоль нее.

– Не очень быстро он движется. – Заметил Смирнов.

– В режиме удаленного доступа, аппарат, сам, выбирает оптимальную скорость движения.

– Товарищ генерал-лейтенант, Курочкин на связи! – Приподняв наушники, сказал один, из связистов.

– Включай, его... Что – у вас, полковник?

- У меня, трое в лес ушли.
 - Зачем? Нет! По делу ушли или сами, по себе?
 - Сами, по себе.
 - Кто?
 - Майор Глухов и двое старших лейтенантов, Нестеров и Янаев.
 - Это, значит ответственный за «Астроплазму» и ее операторы? Полковник, вы понимаете, что будет, если эти люди попадут в чужие руки? Вы понимаете, что они носители секретной информации? Понимаете?! Нет – не понимаете! Остановить пробовали?
 - Пробовали. Правда, безуспешно. Потеряли троих, при этом!
 - Совсем? – Сжав зубы, спросил Туртушов.
 - Не знаю.
 - Говорите, толком, они мертвые или живые?
 - Живые. Пока. . . Двое в кустах запутались, как группа Бугра, а одного молнией ударило. Это того, который, из травматика, по ногам стрелять пытался.
 - И, как?
 - Никак. Осечка, за осечкой. А потом его молнией ударило шаровой. И скафандр, после этого, совсем распался.
 - Сгорел?
 - Нет. Расползся по швам. Будто нитки в нем гнилые. Этот находится в бессознательном состоянии, а те, что запутались, еще говорить пытаются. Звуков не издают, но рты открываются. Главное – не видно ничего. Стекла, у тех, кто снаружи мутные стали. . . . Минутку, товарищ генерал-лейтенант! Чего – это?
 - Что – там?
 - Вы, к нам, никого не присылали?
 - В чем дело?
 - Прилетело, что-то. . . .
 - Что прилетело? Мы ничего, по воздуху, не присылали!
 - Баба прилетела. – Удивленно сказал Курочкин.
 - Как прилетела? Каким образом?
 - На метле прилетела. Погодите, минутку!
- Курочкин отключился.
- Никого, в центре связи, больше не интересовало, изображение, с лунохода. Все, разинув рот, слушали разговор Туртушова, с Курочкиным.
- После продолжительной паузы, во время которой все хранили молчание, Курочкин, снова вышел на связь.
- Все! – Радостно, сообщил он. – Полетала и улетела, совсем.
 - Понятно. – Сказал Туртушов.
 - Вдоль состава полетала, по платформам и вагонам, рукой похлопала и улетела!
 - Ясно. – Отозвался, Туртушов бодрым голосом. – Передайте попавшим в беду, пусть держатся. Подмога, уже, в пути! До связи!
- Отключившись, генерал-лейтенант, с надеждой, посмотрел, на окружающих. Он словно спрашивал, не хочет ли, кто-нибудь высказаться. Но все молчали. Даже полковник Калабалин, который незаметно вошел в ангар и стал свидетелем, последнего разговора.
- Как продвигается техника? – Спросил Туртушов, видя, что никто не хочет обсуждать тему, летающей на метле бабы.
- Все с облегчением повернулись к мониторам.
- Подходим, к лесу. – Сообщил Незнанский.
 - Вот, как?! Великолепно! Что, там – у нас?

– Пока, все без отклонений. Окружающая обстановка, соответствует местной окружающей среде.

Когда луноход взгромоздился на колею, его металлические колеса загрохотали, по гранитной щебенке. Незнанский убавил звук. Чем дальше аппарат углублялся в лес, тем больше усиливалось напряжение в центре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.